

МЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Анастасия СОЛОВЬЕВА

СЕЙЧАС
И ВОЛЬШЕ
НИКОГДА

Анастасия Соловьева

Сейчас и больше никогда

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=587485

Соловьева А. Сейчас и больше никогда: Центрполиграф; Москва; 2007

ISBN 978-5-9524-2947-5

Аннотация

Личная жизнь молодой журналистки Саши не заладилась: студенткой вышла замуж за провинциала-карьериста, уехала из столицы в его Губернский Город, родила дочь и... в конце концов осталась без мужа, без московской прописки, без жизненных перспектив, зато со свекровью и с маленькой Олей на руках. Саша как корреспондент модного городского журнала едет в командировку в Москву и там встречает полузабытого друга юности. Дима – успешный бизнесмен, муж и отец, но... Встреча с Сашей переворачивает его жизнь. История любви молодых людей непростая – ведь между ними шесть часов пути от Москвы до Губернского Города и люди, которых они любили раньше...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	45
Глава 5	68
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Анастасия Соловьева

Сейчас и больше никогда

Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать посаженное; время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить; время плакать и время смеяться; время сетовать и время плясать; время разбрасывать камни и время собирать их; время обнимать и время уклоняться от объятий; время искать и время терять; время сберегать и время тратить; время раздирать и время шивать; время молчать и время говорить; время любить и время ненавидеть; время войне и время миру... Потому что для всякой вещи есть свое время и устав.

Книга Екклесиаста, 3: 8

Пролог

УКАЗ № 1575

Президента Российской Федерации
Бориса Николаевича Ельцина

«О введении чрезвычайного положения в городе
Москве»

«...ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Ввести в соответствии со статьями 3, 4, 6 и 9 Закона Российской Федерации «О чрезвычайном положении» в городе Москве с 16 часов 00 минут 3 октября 1993 года чрезвычайное положение до 16 часов 00 минут 10 октября 1993 года.

2. Совету Министров – Правительству Российской Федерации (В. С. Черномырдину), Министерству внутренних дел Российской Федерации (В. Ф. Ерину), Министерству безопасности Российской Федерации (Н.М. Голушко), Министерству обороны Российской Федерации (П. С. Грачеву), Правительству Москвы (Ю.М. Лужкову) принимать все меры, необходимые для обеспечения режима чрезвычайного положения и скорейшей нормализации обстановки, восстановления правопорядка и ликвидации угрозы безопасности граждан. С этой целью могут устанавливаться меры, предусмотренные статьями 22, 23, 24 Закона Российской Федерации «О чрезвычайном положении».

3. Министерству иностранных дел Российской Федерации (А.В. Козыреву) информировать другие государства и Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о причинах и обстоятельствах введения чрезвычайного положения, а также о том, что Российская Федерация в соответствии с п. 1 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах использует право отступления от обязательств по Пакту лишь в такой степени, в какой требуется остротой положения.

4. Указ вступает в силу с момента его подписания.
Президент Российской Федерации Б. Ельцин
Москва, Кремль,
3 октября 1993 года, 16.00 ч. № 1575».

«...На Октябрьской площади бушевал настоящий котел с разноцветными пятнами транспарантов, стягов, блеском милицейских щитов и касок. Более трехсот тысяч москвичей ожидали начала митинга, назначенного на два часа дня.

Но в 14.00 отряды милиции, стоявшие до этого в беспорядке, сомкнулись, огородив щитами площадь со стороны улицы Димитрова, Ленинского проспекта и Садового кольца, а неожиданно появившиеся в большом количестве омоновцы со стороны Житной стали вытеснять «котел» в сторону Крымского моста, сгоняя людей с парапетов и от самого памятника.

Кто-то из организаторов через мегафон пытался начать митинг, но его заглушала гаишная машина, призывавшая «незаконное собрание» расходиться. Новые группы митингующих уже не могли пробиться из метро к зажатым на площади людям и были вынуждены уходить во дворы жилых домов.

Однако именно здесь начинаются странности. Со стороны Ленинского проспекта примерно в 14.10 появилась стройная колонна демонстрантов во главе с депутатом Ильей Константиновым. Колонна беспрепятственно достигла середины Октябрьской площади. И в этот момент многочисленные

милицейские оцепления словно растаяли, рассыпались.

На какое-то время показалось, что вот-вот начнется запланированный митинг. Однако дальше произошло следующее. Образовавшееся в центре площади плотное людское ядро неожиданно двинулось на Садовое кольцо, в направлении Крымского моста.

Раздались недоуменные возгласы: «Вы куда?.. Митинг назначен здесь, на Октябрьской?!» Но с Садового кольца уже неслись призывы: «Вперед – к Белому дому!...»

Митинг перерос в демонстрацию. Голова шествия поравнялась с ЦПКиО имени Горького, а на Садовом кольце бушевало море людей со знаменами и транспарантами, певших революционные песни и скандировавших: «Руцкой – президент», «Вся власть – Советам». И новые призывы – идти всем вместе до Белого дома и проводить митинг там.

14.30. На Крымском мосту через Москву-реку стоял ОМОН. При приближении демонстрантов мост оцептанился. Колонна остановилась в ста метрах. Чтобы избежать столкновения, на переговоры с ОМОНОм отправилась группа во главе с православным священником, но щиты не разошлись. Тогда под песню «Варяг» колонна угрюмо двинулась на заграждение. История научила: оружие демонстрантов – камни. Демонстранты добывали их, выковыривая асфальт из трещин на дорожном покрытии моста. Но добытого хватило только на первый бросок. Началась драка, скрежет щитов, удары дубинок, матерные

крики, первая кровь. За несколько минут ОМОН был практически смят.

Отобранные щиты и дубинки полетели с моста в реку. Но послышались крики: «Вооружаться! Неизвестно, что ожидает впереди!» Многочисленные журналисты с камерами снимали эти эпизоды.

Около метро «Парк культуры» на Садовом кольце стояли троллейбусы, военные грузовики, ОМОН. Тут уже началась стрельба газовыми патронами и гранатами, мост затянуло слезоточивым газом. Прорвавшиеся сквозь заслон демонстранты побежали через Крымский мост».

Из справки ГУКВВ МВД РФ за 3 октября 1993 года:

«14.35. Старшим оперативным начальником принято решение направить на Zubовскую площадь резерв (300 военнослужащих), войсковой наряд (50 военнослужащих) с милицейским нарядом.

14.50. На Zubовской площади появилось войсковое заграждение, которое продержалось 5 – 7 минут и было смято восставшими. Из 12 автомашин 10 захватили участники демонстрации. Оставшийся личный состав прибыл в ВПК своей части. Остальных толпа разметала по Садовому кольцу.

14.55. Принято решение выдвинуть резерв (300 военнослужащих) от 11-го отделения милиции на Zubовскую через Смоленскую площадь.

15.00. Войсковые наряды получили команду усилить

войсковые цепочки и выставить сто процентов личного состава. Сотрудники милиции покинули заслон на улице Новый Арбат.

15.05. Резерв (300 человек) заблокирован на Смоленской площади».

«Колонна растянулась, демонстранты старались быстрее преодолеть мост, прижимаясь к парапетам. Солдаты запрыгивали в ревущие машины и, оставляя свои автобусы и грузовики, уезжали дальше по Садовому кольцу в сторону Смоленской площади.

Авангард колонны – около тысячи бегущих людей – вооружались по дороге камнями и дубинами, выламывая скамьи из омововских машин, прихватывая в местах дорожных работ все, что могло сгодиться во время столкновения. Из боковых переулков колонна пополнялась новыми людьми. Небывалое для Москвы число демонстрантов покрыло все пространство от Зубовской площади до моста и целиком Крымский мост. Все демонстранты теперь уже не шли, а скорее бежали вперед. Один отбитый военный грузовик кому-то удалось завести, и со знаменем на крыше он возглавил колонну...»

www.pms.ortodoxy.ru/

И. Иванов Хроника государственного переворота (Записки разведчика)

Часть первая

Глава 1

Испокон века русские революции происходили в столицах, и при всей их кажущейся массовости задним числом всегда выяснялось, что восставших вовсе не так и много. И даже наоборот: «Узок был их круг, страшно далеки они от народа...»

«Это не какой-нибудь дилетант подметил, – вспомнила Саша. – Самый что ни на есть настоящий революционер. Дальше там у него что-то про бурю и про движение масс...

Хотя ведь в последние годы благодаря перестройке стало известно: Октябрьскую революцию, называемую теперь пренебрежительно «переворотом», совершил незначительный по количеству отряд верных большевикам рабочих, солдат и матросов. Собственно, весь переворот заключался в аресте Временного правительства. Но потом об этом узнали на окраинах и последовали примеру столицы... Вот и сегодня: если что-то и произойдет, то непременно в центре, у Белого дома, на Арбате или у Бородинского моста... А до платформы Окружная события докатятся значительно позже. Здесь пока еще скука, застой».

И, чтобы утвердиться в правоте этих мыслей, Саша под-

нялась с дивана и посмотрела в окно номера. Окна гостиницы «Заря» выходили на невысокий, но бесконечно длинный бетонный забор, из которого местами торчала ржавая арматура. Между забором и гостиницей располагалась ухабистая площадь, служившая разворотной площадкой автобусам. Они специально сворачивали с Дмитровского шоссе, чтобы захватить пассажиров Савеловской железной дороги, выходивших из электрички на платформе Окружная, и доставить в их родные спальные районы Алтуфьево, Коровино, Лианозово... Саше ничего не говорили эти названия, годы ее детства прошли в абсолютно другой Москве.

Сашину Москву знают все: Сретенка, Чистопрудный, Цветной, Рождественский бульвары, Подколокольный, Кривоколенный и прочие переулки...

В детстве платформу Окружная Саша видела несколько раз из вагона, когда они с мамой ездили в гости к ее подругам: в Лобню к Юлии Арсеньевне или в Новодачную – к Жанне Григорьевне. Заметив краснокирпичный мрачный массив – гостиничный комплекс «Заря», маленькая Саша испуганно жалась к матери. В те годы ареалом ее обитания были кварталы старой Москвы. Школы, обычная и музыкальная, музеи, театры, любимая кондитерская, магазин «Детский мир» – все это локализовалось в пределах нескольких, с рождения известных ей улиц. Все там было понятно, знакомо. И жизнь катилась неспешно и казалась милой, уютной...

После школы Саша готовилась поступать в музыкальное училище. Скрипачкой стать собиралась, но в последнем классе вдруг передумала. Скрипка, скрипка и ничего, кроме скрипки? Захотелось чего-то новенького.

В итоге долгих раздумий и метаний Саша избрала поприще театрального критика. Хорошая работа. И музыкальное образование пригодится – не зря, выходит, она девять из семнадцати прожитых на свете лет на скрипке отпиликала... Но, кроме музыки, в ее жизни будет еще и театр: красивые декорации, искрометные диалоги, актеры – талантливые и не очень. Она как на работу станет ходить на спектакли. Сидеть на премьерах в партере, потом писать – долго и мучительно-сладко. Саша и раньше, возвращаясь из театра, испытывала это мучительно-сладкое состояние невысказанности, с той разницей только, что до сих пор все ее переживания продолжали оставаться бесплодными. Зато теперь они выльются в критические рецензии, очерки и эссе.

И сразу же, на первом курсе, к эстетическим добавились переживания личного характера. Сашино сердце покорила симпатичный мальчик, студент третьего курса режиссерского факультета Вадик Кораблин. К счастью, ее чувство оказалось ответным. После занятий молодые люди встречались в институтском вестибюле и отправлялись... Между кино, кафе, дискотеками и прочими молодежными увеселениями они охотнее всего выбирали поездки к Саше домой. Мама работала, возвращалась вечером. Приветливо кивала Вадик

му. И опять жизнь казалась милой, уютной.

Потом – как все неизбежное – явились первые тревоги. На втором курсе, в разгар зимней сессии, Саша поняла, что беременна. Испугалась, расплакалась, позвонила в институтское общежитие Вадиму. Он тоже напрягся. Но в общем ничего... Сказал: поженимся, после экзаменов надо будет съездить в Губернский Город, познакомиться с моими. А мама, выслушав известие о беременности и свадьбе, обронила только:

– Имей в виду: я не собираюсь его прописывать! И жить у нас негде. Однокомнатная квартира!

В Губернском Городе квартира оказалась двухкомнатной, проживали в ней родители Вадика: мама, Нелли Константиновна, яркая дама, научный сотрудник местного краеведческого музея, и отец, Андрей Николаевич, инженер-технолог авиационного завода, тихий, покладистый человек.

Без особой сердечности и восторгов Кораблины-старшие согласились, что после рождения внука будущая невестка переедет к ним. А Вадик еще год проживет в Москве – ему ведь надо заканчивать образование.

– Да он совсем не на это рассчитывал! – сказала Саше одна девочка из группы, которую до этого Саша считала своей подругой. – Хотел по распределению в Москве остаться. Пожить у тебя на Чистопрудном бульваре!

– Не слушай ее! Это она со зла – завидует, – объяснила потом другая.

Но Саша уже тогда понимала: завидовать в ее жизни нечему. Гуляла с коляской по незнакомым улицам Губернского Города, вечером за ужином сидела с опущенными глазами, чтобы не встречаться взглядом с родителями Вадима. Нелли Константиновна являла собой воплощенное недовольство, а Андрей Николаевич – отчужденность и безучастие.

С возвращением Вадика из Москвы жизнь обещала поменяться к лучшему. Не поменялась. По протекции матери Вадим сразу устроился на работу в Городской драматический театр, взялся репетировать какой-то спектакль и все время проводил теперь в обществе местной театральной знаменитости – Кристины Шидловской. Однажды он не пришел домой ночевать, и с тех пор они с Сашей виделись только эпизодически и на людях.

Сашина мама приняла их развод как трагедию. Это она – собственными руками – разрушила семейное счастье дочери! Прописала бы к себе зятя, молодым бы комнату отдала, сама – на кухню. На кухню, чего скрывать, не хотелось. Зато дочь в двадцать с небольшим соломенная вдова!.. Вдова с трехгодовалым ребенком...

И дочь-то какая! Школу закончила с золотой медалью, в институте – одни пятерки, да еще играет на скрипке. И внешне Саша очень хорошенькая. Конечно, не то что Шидловская – размалеванная кукла! Да и не красота ее ему нужна! Мать случайно прочитала в газете, что Кристину пригласили в Москву сниматься в каком-то сериале. Вадик поехал с ней

– не отступился-таки от намеченной цели.

– Перебирайся в Москву! – твердила Саше мать.

Она ужасно скучала по ним, по дочке и по маленькой внучке.

Саша приехала. Несколько дней прожила на Чистопрудном и стала собираться в Губернский Город. Оказалось, что она уже не сможет жить вместе с матерью. Не из-за того, что у них тесно – одна комната. И не из-за того, что мать постоянно раздражалась на Олю. Скорее всего, с непривычки. Дело, конечно, было в другом. Саша вдруг поняла, что она уже никогда не вернется на положение девочки. Можно физически возвратиться на старое место, но нельзя повернуть вспять время.

Она привыкла быть в доме главной. Правда, дом у нее смешной. Комната в коммуналке. В старинном доме в самом центре Губернского Города. У экс-свекрови умерла тетка – комнату в наследство оставила. И в этой комнате после трех-летнего замужества Саша впервые увидела свет.

Комната угловая, с двумя окнами и большой кафельной печью – белые блестящие плитки с изысканными узорными изразцами. Стулья старые, темные, деревянные, и такой же темный с застекленными дверцами шкаф. Один на все случаи жизни: хочешь – вешай туда одежду, хочешь – ставь посуду, хочешь – складывай белье, а хочешь – книги храни.

Свекровь помогла – купила кое-что, самое необходимое, и с Олей обещала оставаться вечерами, в те дни, когда Саша

уходила на лекции. Она поступила на третий курс факультета журналистики в университет Губернского Города. Немного позже ее взяли внештатным корреспондентом в молодежный журнал. Потом перевели в штат. Потом доверили отдел культуры.

Все это она тщетно пыталась объяснить матери, со слезами умолявшей ее остаться в Москве. Они тогда крупно поссорились. И Саша поступила так, как считала нужным. Утром следующего дня села на Белорусском вокзале в поезд и укатила в Губернский Город. Там сразу закрутилась: учеба, работа, ненавистный быт. Не хватало времени позвонить матери, и та тоже ей не звонила.

Только потом Саша узнала, что ее мать тяжело болела – сердце, давление – все на нервной почве. Попала в больницу с инсультом и, протянув несколько месяцев, умерла.

Саша приехала в Москву на похороны, устроенные маминими подругами Юлией Арсеньевной и Жанной Григорьевной. Они хотели было высказать все, что думают о бездушной дочери, но, увидев Сашу, от укоров воздержались.

Такой у нее был потрясенный несчастный вид! Во всем случившемся она винила одну себя. Ну в самом деле – инфантильная идиотка! Прикипела, видите ли, к Губернскому Городу, а о родной матери не подумала. А ведь у мамы несколько лет назад уже был микроинсульт...

Тетки тоже охали и сокрушались не меньше Сашиного: оплакивали покойную, жалели Сашку – несчастную сирот-

ку, да еще с маленькой дочерью на руках, тужили, что Саша потеряла жилплощадь в Москве и их квартира отойдет теперь государству. Саша по этому поводу переживала меньше всего. Она выписалась из московской квартиры давно, сразу после замужества, и мысленно поставила на ней жирный крест. Не в квартире тут дело! Что такое квартира, когда она потеряла мать?!

Саша все плакала и тосковала. И в Москве, и потом по приезде в Губернский Город. Там ее, как могла, утешала свекровь. Осторожно намекнула: тяжело, ужасно тяжело похоронить маму. Но вот она, допустим, потеряла сына...

– Что вы говорите?! – воскликнула Саша. – Разве Вадик?..

– Да нет, не подумай, он жив-здоров. – Нелли Константиновна вздохнула. – Но где он?

– В Москве. Шидловская снимается в сериалах...

– Если хочешь знать, он давно разошелся с Шидловской. Женился на балерине Большого театра и с ней уехал в Америку. Неужели ты думаешь, он когда-нибудь вернется в Губернский Город?

– Может, и вернется, – ответила Саша сухо.

– Никуда он не вернется! Вы теперь мои самые близкие. Олечка и ты...

Саша меньше всего ожидала такого поворота. Свекровь вдруг будто переродилась. Все им, для них, о них... Ольгу одевала как принцессу. Учиться ее устроила в лучшую гимназию.

И о Саше свекровь тоже позаботилась: нашла ей работу в иллюстрированном журнале «Bête noire» – первом в городе коммерческом издании.

По долгу службы Саше приходилось теперь часто ездить в командировки. Писать о выставках, музейных экспозициях, репертуарах театров разных городов. Скоро очередь дошла и до Москвы.

Отправляя корреспондента в столичную командировку, «Bête noire» не торопился раскошелиться. В начале девяностых деньги были глобальной проблемой в нашей стране, особенно же остро вопрос стоял в провинции. Но Саше хватило редакционных денег, чтобы обойти несколько московских театров, побывать на музыкальной презентации в ЦДХ, а заодно облазить там все галереи. Правда, остановиться пришлось в гостиничном комплексе «Заря». Хотя теперь Саша против комплекса нисколько не возражала. Годы делают человека терпимее.

3 октября, в воскресенье, срок ее командировки заканчивался. Однако события, начавшиеся в городе накануне, заставили Сашу задержаться. Она связалась с редакцией «Bête noire» и попросила разрешения продлить командировку.

Шеф-редактор была не в восторге. Дала понять, что задерживаться, вероятно, придется за свой счет. «Bête noire» – журнал женский. А женщин в первую очередь волнуют новинки моды, косметики и парфюмерии, обзор московских магазинов, театров и выставок. Читательницы хотят быть

причастными к чему-то красивому, светскому, высокому...

– Вы должны понимать сами! – сердилась патронесса. – Политика – это пока еще мужское занятие!

– Политика, да, я согласна, дело мужское! – Саша почувствовала, что нервничает. – Но в Москве сейчас решается судьба страны!

– Завтрашний вечер – крайний срок вашего возвращения! – отрезала патронесса. – И, пожалуйста, будьте осторожны. Не исключено, что Ельцин начнет стрелять!

Выходя из гостиничного номера, Саша припомнила ее последнюю фразу. Может, где-то в центре уже и стреляли, но у гостиницы «Заря» было тихо. Солнце лениво, по-летнему заливало замусоренную площадь перед зданием. По тротуару к остановке с корзинами, сумками-тележками, букетами и рюкзаками тащились дачники...

Выйдя из гостиницы, Саша направилась в сторону метро, но неожиданно ее обогнал автобус, на котором в качестве конечного пункта следования было написано: «Цветной бульвар». Она обрадовалась, что до знакомых мест можно добраться на автобусе, минуя сутолоку и неудобные пересадки метрополитена.

– Я доеду до Цветного бульвара? – на всякий случай уточнила Саша, заходя в салон.

– Доедете, – ответила старушка с букетом астр и клетчатой сумкой-коляской.

Шофер невежливо промолчал.

Саша устроилась на заднем сиденье. Не надо бояться, говорила она себе. Стать очевидцем таких событий – настоящая журналистская удача. Получится просто сногшибательной материал!

Пора, пора уже Саше заявить о себе по-настоящему! Целый год она трудится в «Vête poire», и до сих пор в ней по большей части видят «невестку очаровательной Нелли Константиновны». С этим надо срочно заканчивать!

Глава 2

«...Авангард демонстрации остановился у магазина «Богатырь»: впереди Смоленская площадь, полностью окруженная щитами и касками. Садовое кольцо в районе углового гастронома на Арбате было перекрыто двумя рядами щитов, за ними техника, несколько брандспойтов. Плотный ряд щитов у Киевского моста и на Арбате. Площадь перед МИДом безлюдна, а напротив, в маленьком скверике, люди, среди которых иностранцы, журналисты с камерами.

Авангард демонстрации построился во всю ширину Садового кольца, ожидая, пока подтянутся основные силы. Со стороны касок кричали в мегафон: «Разойдитесь!» – и сразу после этого началась пальба. Послышались автоматные очереди и одиночные выстрелы. Стреляли и по скверику, куда забежали демонстранты. Площадь окутало газом. Грузовик со стягом, набирая скорость, понесся на щиты, за ним бежали люди. Не доезжая до щитов метров пятьдесят, он вдруг резко развернулся и скрылся за бегущими на щиты людьми. Струя воды хлестала по демонстрантам, в ответ – летели камни...

Существенно потрепанный ОМОН – без щитов, касок и дубинок – пытался спрятаться в автобусах, за машинами, прорваться к своим. На крыше одного грузовика стоял подбитый омоновец – вместо лица

сплошная кровавая маска и затравленные глаза.

Демонстранты в рукопашном бою отбили у ОМОНа несколько автоматов. Один из вооруженных, стоя на подножке, вытаскивал водителя из кабины милицейского грузовика...»

Из справки ГУКВВ МВД РФ:

«15.20. Колонна резерва (80 человек), двигающаяся от улицы Баррикадная, 4, остановлена бесчинствующей толпой перед Смоленской площадью.

15.25. Резерв (80 военнослужащих) выставил цепь совместно с работниками милиции на Смоленской площади. Резерв (150 военнослужащих) оттеснен к зданию мэрии. У войскового наряда (100 военнослужащих) отняты ПР-73, щиты. Наряд смят.

15.31. К зданию мэрии прибыл вооруженный резерв на четырех БТРах, по пять человек в каждом.

Толпа демонстрантов следовала по набережной к Белому дому и к 15.30 ворвалась в Большой Девятинский переулок...»

«...На Новом Арбате авангард восставшей толпы буквально наступал на пятки удирающим со всех ног милиционерам. Демонстранты уже не встречали сопротивления.

У Калининского моста опять по всему периметру стоял ОМОН, основная масса отступивших забилась под пандус мэрии, на пандусе стояли омовцы, вооруженные автоматами. Калининский мост и Краснопресненская набережная закрыты щитами,

слева на набережной скопилось огромное количество военных, а впереди – колючая проволока, поливальные машины, а сразу за ними опять каски и щиты.

Грузовик со стягом перегнал демонстрантов и стал долбить поливалки с левой части заслона. Как только первые демонстранты перелезли через колючую проволоку и через поливальные машины, оцепление солдат стало разбегаться в разные стороны.

В это время началась стрельба из автоматического оружия на поражение. Но демонстрантам практически в упор в спину стреляли короткими очередями из автоматов. Из здания мэрии застучал длинными очередями пулемет. Люди падали, пытаясь вжаться в асфальт, укрыться на газоне, бежали к парпету. Некоторые лежали на асфальте в неестественных позах в нескольких шагах от спасительного бортика, ни один не шевелился, хотя о них спотыкались бегущие в укрытие люди...»

www.rus-sky.ru/ Хроника октябрьских событий 1993 года

В квартире Дмитрия Загудаева было тепло и покойно. Во всем чувствовался достаток. Жена Дмитрия, Елена, удачно переквалифицировалась из инженера в бухгалтера, закончив краткосрочные курсы. Теперь она работала сразу в двух малых предприятиях, занимающихся неясной «посредухой». А Дмитрий по-прежнему преподавал в институте историю, хотя за это уже почти ничего не платили. Кому сейчас нужна история?!

Был тихий вечер, Дмитрий с Еленой на кухне ужинали

– или «деликатесные немецкие колбаски» и копченые, тоже деликатесные, сосиски под пиво «Туборг». В углу работал телевизор. Показывали современный фильм о сталинском беспределе. Оборки светлых занавесок уютно ниспадали, мягко ложась на корпус телевизора и подоконник.

В соседней комнате их семилетняя дочь Светлана играла в развивающую телевизионную приставку «Денди». Оттуда летело электронное бульканье и жужжание.

Дмитрий отпил пива, закурил сигарету «Магна» и тяжело вздохнул. Его раздражали эти резкие искусственные звуки, ему не нравилось, что дочь играет в «Денди», ему было неприятно, какой стала в последнее время Елена – современной, вызывающе коротко стриженной, даже эффектной, но при этом выхолощенной и чужой. Они быстро отдалялись друг от друга. Но больше всего его нервировало то, что живут они теперь на ее, Еленины, деньги. И живут неплохо.

Его до головокружения сильно волновали рассказы о том, как находчивые люди нынче делают бешеные деньги из воздуха! О таких лихих умельцах Дмитрий каждый день теперь наслушивался от жены. Да и не только от жены... О них было слышно повсюду. Невзрачные серые личности в сереньких костюмах с печатями предприятий стали героями новой эпохи. Его бывший школьный приятель Саня Говоров с компанией открыли ночной кабак «Для своих». Как же все поначалу ужасались!.. Мол, к вам будут ходить одни рэкетеры, начнутся разборки со стрельбой! Вас закроют и всех поса-

дят... Но оказалось ничего. Теперь Саня раскатывает по городу в шикарном «джип-гранд-чероки».

Были идеи и у Дмитрия. Ему хотелось организовать что-нибудь красивое, например «Салон элитного батика». Батик – ручная роспись по шелку, рисунок на ткань наносится тонким слоем воска. Это могут быть и живописные картины, и панно, ширмы, роскошные женские платья и платки, галстуки и шарфы. Даже джинсы и кожу расписывают в технике батика.

Себя Дмитрий представлял покачивающимся в кресле-качалке с хорошей сигарой... Вот звякает колокольчик – в салон заходят прилично одетые покупатели. Картинка! Все дорого и изящно.

Он специально ездил на Измайловский вернисаж и договорился с одной художницей по батiku, которая выставляла там свои работы. Художница неподдельно обрадовалась и с жаром обещала даже бесплатно оформить интерьер будущего салона. Но как-то ни сама эта художница, ни ее работы Дмитрию не приглянулись. А других художников на вернисаже не оказалось.

Идея заглохла. Но была и другая, совместная с его бывшим однокурсником – открыть небольшое казино с настоящей рулеткой. Дело казалось беспроеигрышным. Основательно побегав по старой Москве и построив из себя солидных людей, они наконец подыскали для будущего заведения симпатичный подвальчик – две комнаты сантехников и кладов-

ка, в которой дворники хранили свой инвентарь. Договорились уже с дизайнером и бригадой рабочих о недорогой, но эффектной отделке помещения – казино и уютного бара одновременно в стиле американских вестернов. Сколько было при этом шума и споров за каждый еще не оформленный метр!.. Себя Дмитрий видел в строгом, но безумно шикарном, возможно от Армани, костюме в дальней комнате (бывшей дворницкой кладовке) с толстой гаваной во рту, небрежно считающим пачки купюр, иногда благосклонно выходящим к счастливым, благодарным посетителям... К нему со всех ног кидается официант. Дмитрий походя, не глядя, берет у него с подноса стакан виски и присаживается так, для куража, сыграть. И обязательно выигрывает. Ему бешено везет...

И тут выяснилось, что для настоящего казино нужны рулеточные барабаны немецкого производства – в России их делать не умеют. А выписать барабаны из Германии (оказалось, что их нужно не меньше трех), естественно, не было денег.

Дмитрий затушил окурок и искоса взглянул на жену. Она внимательно смотрела на экран, элегантно двумя пальчиками, большим и средним, держа тонкую длинную сосиску, а мизинчик – на отлете, и понемногу с аппетитом откусывая от нее. И этот жест с мизинчиком, и это откусывание было в ней новое, чуждое. «Да... – нехорошо перевел дух Дмитрий, – Елена изменилась до неузнаваемости! Стала совер-

шенно другим человеком».

Кончился фильм. Прибежала дочь, стала ластиться к матери. Как же они похожи! Ей только семь лет, а все манеры она уже переняла от Елены. Маленькая женщина! Даже ужимки и мимика матери! Зато ничего нет от него, Дмитрия Загудаева.

Дмитрий имел характерную внешность: волосы черные как смоль, кудрявые и густые, не продерешь, орлиный нос и кожа немного смуглая. В школе его дразнили цыганом.

Свою родословную Дмитрий вел от курских мещан Загудаевых, людей, говорят, крутых и своевольных, вошедших в городские летописи своим озорством и даже буйством, по пьяной лавочке конечно.

У Дмитрия где-то валялась небольшая плотная фотокарточка. На ней мрачно застыли пятеро братьев в черных фуражках, сапогах гармоникой. У одного, в центре, из нагрудного кармана пиджака торчит громадный пион. Перед братьями на дощатом полу стоит пузатый самовар в окружении пустых чашек на блюдцах.

На обороте фотокарточки сделана размашистая приписка: «На вечную память от Елисея».

Внешне Дмитрий был как один из братьев, но вот характером не вышел. Хотя времена не те, негде развернуться...

Поставили чайник. Он мирно запел. А на экране неожиданно появилось примелькавшееся за последние месяцы лицо Егора Гайдара. На лбу у него мелко дрожали бисерин-

ки испарины. Глаза тревожно метались по сторонам. Гайдар что-то говорил, но за милым воркованием домочадцев Дмитрий не мог ничего расслышать. Было только очевидно, что экс-премьер крайне взволнован.

– ...Сейчас дяденька закончит... – щебетали Елена с дочерью, – и мы мультики будем смотреть...

– Да тихо вы! – досадливо прикрикнул Дмитрий. – Случилось что-то!

На него не обратили внимания.

– Вечно у нас чего-нибудь случается, – парировала Елена. – Мультики... А потом спать ляжем. Ляжем спать?!

Дмитрий порывисто навалился на стол, вслушиваясь.

«...Демократия в опасности... Отстоим вместе завоевания демократии... Или вернемся в светлое коммунистическое прошлое...» – Дмитрий понимал лишь отдельные фразы.

– ...Съешь колбаски. Будешь колбаску?..

«...Всем, кому дорого... сбор у здания Моссовета на Тверской площади...»

– ...А сосисочку?..

«...Возможно, ваше присутствие будет решающим... Отстоим вместе!...»

– Ясно! – Дмитрий зло хлопнул ладонью по столу. – Опять совок грядет!

– Еще не хватало! – откликнулась Елена.

– Хватит! Пожили в Совдепии! – Дмитрий поднялся.

– Ты уходишь?! – Елена тревожно посмотрела на Дмитрия.

– Да! – коротко ответил он, выходя в прихожую.

Елена покачала головой:

– Береги себя, Димочка! Мы будем тебя очень ждать...

Елена побежала в прихожую, хотела поцеловать мужа, но там уже хлопнула дверь.

От Сухаревской до здания Моссовета было недалеко, особенно если идти переулками.

Дмитрий переулками и двинулся. Кругом было странно безлюдно, ни одной живой души, только где-то далеко изредка грохотало, точно там бросали громадные доски. И небо на западе горело бледно-розовым светом.

Дмитрий свернул на Неглинную. Она тоже была пуста, лишь вдали у перекрестка маячили две темные фигуры. Дмитрию стало казаться, что и у Моссовета никого нет. Он будет один.

Дмитрий пересек Пушкинскую улицу и стал подниматься к Тверской площади. И тут он наконец увидел людей. Вся площадь вокруг памятника Юрию Долгорукому была запружена народом.

Он облегченно вздохнул, что не одинок, и стал пробиваться в центр толпы, откуда что-то отрывисто выкрикивали.

Глава 3

«...Руководители парламента с балкона Белого дома кричали в громкоговоритель.

Руцкой:

– Прошу внимания! Молодежь, боеспособные мужчины! Вот здесь в левой части строиться! Формировать отряды, и надо сегодня итурмом взять мэрию и Останкино!

– Ура!

Хасбулатов:

– Я призываю наших доблестных воинов привести сюда войска, танки для того, чтобы итурмом взять Кремль и узурпатора бывшего – преступника Ельцина...

На улице заглушают конец фразы:

– Ура!

Хасбулатов:

– Ельцин сегодня же должен быть заключен в Матросскую Тишину. Вся его продажная клика должна быть заключена...

Макашов (уже у мэрии):

– Заходите далее! Никого не трогать! Обрезать все телефонные связи! Чиновников выкинуть на улицу.

Руцкой на улице:

– ...Старайтесь не применять оружие...

За руль военного грузовика еще в первые минуты

сели парни из РНЕ (Русского национального единства) и попытались протаранить двери в мэрию. Идущий кабиной вперед грузовик встретили очередями в упор, и он замер около дверей. Из кабины сыпанули ребята. Кто-то сел за руль второго грузовика и, несмотря на автоматные очереди, также кабиной вперед все же протаранил центральные двери в мэрию. По машине вовсю стреляли из автоматов. Потом грузовик развернулся и стал долбить центральные двери уже своим кузовом, с третьего раза сумев пробить проход в мэрию.

В этот момент удалось завести водовозку, и она попыталась под пандусом мэрии пробить ворота подземного гаража в здании СЭВ. Сбоку от нее из-под пандуса мэрии вырвался БТР (№ 432) и покатил в сторону гостиницы «Мир», стреляя вверх. С его брони сыпались заскочившие на него верхом ребята из группы «Север». Тем временем солдаты МВД разбили стеклянные стены мэрии с противоположной стороны и убежали через проломы.

В мэрию мгновенно хлынули люди... Макашов, поднимаясь наверх, выкрикивал в мегафон:

– Сдавайтесь! Я, генерал-полковник Макашов, гарантирую вам жизнь. Выходите по одному и складывайте оружие!..»

www. user.commsol.ru

Саша вышла из автобуса на задворках спорткомплекса «Олимпийский» и недоуменно огляделась по сторонам. Ни-

кого! Ни одной души! Мягкое, клонящееся к закату солнце освещало широкую аллею бульвара, отделяющего ново-явленный Олимпийский проспект от старинной Самотечной улицы. Лучи скользили по темно-зеленым, еще не осенним кронам старых, благородных деревьев, по гравиевым дорожкам, по черной витой ограде... Но все кругом было пустынным и безжизненным. Куда же подевались люди?

Саша дошла до Садового кольца и буквально оторопела, увидев, что по главной магистрали города больше не ездят машины. Раньше такое случалось во время военных парадов, демонстраций и еще каких-то физкультурных соревнований. Но тогда во всем чувствовался праздник. А теперь... Нет, что-то не то! И солнце это еще, какое-то оголтелое, тревожное, жуткое!

Под Сухаревской эстакадой она беспрепятственно пересекла улицу и бодро зашагала к Трубной, но вдруг повернула назад, привлеченная странным, смутно знакомым звуком. Где-то она уже слышала этот звук... В кино. Этим звуком пользовались режиссеры, изображая войну или революцию. О нем еще Окуджава написал:

Вы слышите, грохочут сапоги?
И птицы ошалелые летят,
И женщины глядят из-под руки.
Вы знаете, куда они глядят?

Саша как раз и оказалась той женщиной. Стояла на опу-

стевшем Садовом и во все глаза таращилась на проходящую мимо колонну мужчин в черном. Они шли в шеренгах по трое в перетянутой ремнями военной форме. Над шеренгами плыл красный транспарант, на нем – какая-то надпись, сделанная почему-то в дореволюционной орфографии. Поравнявшись с проспектом Мира, чернорубашечники стали сворачивать влево.

Саша постояла еще немного и тоже побрела вверх по Садовой-Сухаревской. Ближе к метро попадались редкие, торопливо шагающие люди. По домам спешат? От греха подальше? А Саша, наоборот, идет в неизвестном ей направлении. Страшно? Да не очень-то страшно! Но что заставляет ее двигаться вперед? Профессия? Кодекс чести журналиста?..

Лишь ненадолго Саша задержалась у метро «Сухаревская». Примета времени – коммерческие палатки, работающие обычно двадцать четыре часа, сейчас были заперты на увесистые замки. Она пошла дальше, по Сретенке, наблюдая, как быстро закрываются последние магазины, как суетливо ныряют в парадные редкие прохожие. За какие-нибудь четверть часа Сретенка обезлюдела так же, как и Садовое кольцо.

«Да что же это такое? – думала Саша. – Что же, наконец, происходит в городе? Почему люди разбегаются по домам, как тараканы?! И где это все происходит, если происходит вообще? Идешь-идешь...»

Со Сретенки она вышла на бульвары. Солнце закатилось,

начинало уже темнеть. Саша почувствовала, что замерзла, и застегнула «молнию» новой темно-коричневой кожаной куртки. Она купила ее несколько дней назад в Москве и втайне очень гордилась обновкой. Удачно съездила – ничего не скажешь. Теперь бы только вернуться назад живой!

В том, что с ней может произойти всякое, Саша в этот момент не сомневалась. За Цветным, на Петровском бульваре ясно слышались выстрелы. По бульвару сновали мрачные мужские фигуры. Попадались и редкие парочки, но одиноких женщин не было и в помине! Теперь Саша все чаще задавалась роковым вопросом: зачем?

Зачем ее сюда принесло? Что она может написать обо всем этом такого особенного? Что она вообще в этом понимает? Конфликт президента и парламента? Парламента и президента? Это естественно. В нормальных демократических странах каждый день случаются такие конфликты. А у нас все не слава богу! И неужели из-за такой глупости ее Ольга останется круглой сиротой?

Вадим не в счет. В последний раз он женился на певице театра «Ла Скала» и живет теперь преимущественно в Италии. Вряд ли он согласится забрать к себе большую, уже одиннадцатилетнюю, дочь.

Однако, дойдя до Тверской, Саша почти успокоилась. Так мирно, даже роскошно горели огни и рекламы первой в городе улицы!... Народу здесь было очень много, но держались все в основном дружелюбно и даже приветливо. Изредка, прав-

да, попадались пьяные, но в России без этого никуда!

Из обрывков услышанных тут и там разговоров Саша поняла, что на Тверской собрались сторонники демократии и президента. Ночью возможен штурм Моссовета, поэтому основные силы добровольцев стягиваются к памятнику Юрию Долгорукому.

«Неужели штурм? – удивилась про себя Саша. – Но кто будет штурмовать?! Откуда в мирной Москве взялись вооруженные отряды?»

В это время в толпе заговорили о баркашовцах. Кто-то назвал их национал-социалистами. Другой добавил, что около семи отлично подготовленные подразделения Русского национального единства начали штурмовать телецентр в Останкино. Нашелся обладатель самой свежей информации, сообщивший, что во время штурма телецентра враждебные стороны обстреляла третья сила.

«А ведь это их я встретила на Садовом, – припомнила Саша, двигаясь в людском море вниз по Тверской. Толпа услужливо несла ее к зданию Моссовета. – Национал-социалисты, по-другому фашисты, одетые во все черное. И им вдогонку промчались грузовики...»

Но в этот миг поток ее воспоминаний прервался – Саше показалось, в толпе мелькнуло знакомое лицо. Да, в общем, ничего удивительного. Она восемнадцать лет прожила в Москве, у нее были друзья, знакомые, одноклассники. Давно это все происходило, но ведь происходило же когда-то...

Толпа заколыхалась, и Саша снова увидела человека с темными глазами и резко очерченным профилем. Этот молодой мужчина, ее ровесник, несмотря на совершенно неподходящую обстановку, настойчиво пробуждал в сердце давно уснувшие романтические воспоминания. При этом ничего конкретного: только что-то романтическое и очень далекое.

Она уже начинала томиться. Кто бы это мог быть? С чем он для нее связан?.. А если заговорить, спросить просто: «Откуда я знаю вас?..» Но вдруг он тоже не помнит ее? Холодно ответит: «Простите, мы незнакомы». Или сочтет за одинокую женщину, не прекращающую бороться с одиночеством даже в тот момент, когда все порядочные люди бросились на борьбу с диктатурой фашистов и бог знает кого еще... Получится обидно, тем более что одинокой Саша себя не считает. В Губернском Городе ее поджидает Павел – фотокорреспондент, в прошлом коллега по молодежному еженедельнику, в настоящем – любимый человек... или как это теперь называется... Они близки уже несколько лет, а в этом году даже отпуск провели вместе – в Ялту съездили... От этой поездки осталась фотография: Саша с Павлом в Ливадии на фоне царского дворца. В открытом белом сарафане она кажется особенно хрупкой и беззащитной, и Павел так красиво, по-мужски обнимает ее... Жаль, но фотографию эту никому не покажешь: Павел женат, а в Губернском Городе все знают друг друга...

...Но неужели тайна этого врубелевского профиля так и

останется неразгаданной?! Отчаявшись вспомнить что-либо, Саша попыталась призвать на помощь все имеющееся у нее воображение – ей до зарезу был нужен цивилизованный способ начала разговора. И кажется, после нескольких минут напряженных поисков такой способ нашелся...

– Простите, я хотела бы задать вам несколько вопросов, – начала Саша, с трудом протискиваясь сквозь толпу к своему врубелевскому незнакомцу. – Женский журнал «Bête noire».

– Что? – В чреве людской массы что-то опять удачно перевернулось, Саша и ее собеседник оказались на периферии толпы. – Что вы сказали?

– Хочу задать вам несколько вопросов. Я – корреспондент журнала «Bête noire».

– Французского?

– Нет. – Она чуть смешалась. – Женского...

– А название французское. – Незнакомец включился в разговор неожиданно охотно.

– Да...

– И что оно значит в переводе?

– «Bête noire»? Это черный зверь... Так вот, я хотела спросить, что привело вас в столь позднее время к зданию Моссовета?

– Услышал по телевизору обращение Егора Гайдара и понял, что мне небезразлична судьба российской демократии. Не хочу больше жить под коммунистами! Неужели опять проклятый совок?! А?!

Какое-то обращение Гайдара... Боже, она же не знает ничего! Хороша журналистка!.. А откуда узнаешь-то? Телевизора в «Заре», естественно, нет. Радио в номере сломано. Позор и убожество! – размышляла Саша, не спуская глаз с незнакомца и не отставая от него.

И вдруг ее осенило... Это он! Ну конечно же он! Он самый!.. Саша мгновенно увидела далекий зимний день и заснеженный сквер напротив метро «Кировская»... Как ждала она его там!.. Как хотела увидеть! И сквер, и даже метро «Кировская» превратились с тех пор в воспоминание о нем. Господи, сколько она о нем думала! И даже потом, когда уже все забылось. А времени с тех пор прошло... больше пятнадцати лет!

– Я тебя знаю! – Саша странно улыбнулась, всматриваясь ему в глаза. – А ты?! Помнишь?.. Ну посмотри на меня хорошенько...

– Кажется... что-то припоминаю... – неуверенно согласился Дмитрий.

– Ну?! Что ты припоминаешь?

– Лицо знакомое... – протянул он. – Но при каких обстоятельствах?.. Может быть, это было давно?..

– Давным-давно. – Саше невероятно хотелось, чтобы и он сейчас вспомнил тот день и узнал ее. – Очень-очень давно! Ну?!

– Давно?.. Но может, ты напомним?..

– Нет уж! Ни в коем случае! Не вспомнишь – я тебе не

скажу! Ни за что не скажу! Так и знай!..

– Но ведь давно было только детство? – улыбнулся Дмитрий. – А что же могло быть в детстве?

– Значит, что-то могло. Ты где жил, когда в школе учился?

– В Москве. На Сухаревской.

– И я тогда жила в Москве, на Чистопрудном бульваре. У метро «Кировская».

Дмитрий вдруг остановился и внимательно всмотрелся в Сашу. Сзади их пихнули, и они вынуждены были двинуться дальше.

– А как тебя зовут? – произнес он.

– Вот! – тихо улыбнулась она. – Что бы тебе не задать мне этот вопрос тогда, а не стоять пеньком?!

– Слушай... – осторожно предположил Дмитрий, – а не училась ли ты играть на скрипке?

– Училась, – скромно призналась Саша, но вдруг не выдержала и засмеялась. – Училась! Еще как училась! И со скрипичным футляром ходила!

– Так, значит... – изумленно проговорил он, – той девочкой со скрипкой была ты?!

– Я!..

И Дмитрий вспомнил тоже: десятый класс. Последние два урока – контрольная по физике, которую он решил прогулять. Вместо нее он побрел куда глаза глядят. Петляя переулками у метро «Кировская», свернул в какой-то скверик. И там вдруг чуть не столкнулся с тремя девочками. Они, ве-

село переговариваясь, шагали со скрипичными футлярами, наверное, в музыкальную школу. С одной он мельком встретился глазами. И пошел дальше, но почему-то ее серые внимательные глаза запали ему в душу и весь вечер не давали покоя.

На следующий день, вместо последних уроков, он топтался на бульваре возле метро «Кировская» и еще издали заметил трех девчонок со скрипичными футлярами. Ему стало стыдно, он отвернулся. Но когда они уже были рядом, не выдержал – посмотрел и опять увидел ее глаза. Девочки ушли, а он остался стоять, не понимая странной притягательности ее серых глаз.

«Нет в ней ничего особенного, – говорил он себе тогда. – Самое обыкновенное лицо, прямые русые волосы, пальтишко как у всех».

Однако на второй и на третий день его вновь тянуло в этот сквер. Но он стыдился. Ведь она догадается, и тогда он, Дмитрий, предстанет дураком. И больше он в скверик не пошел.

Однако через две недели у них вновь была контрольная по физике, и он в назначенное время стоял в заветном сквере. Но ни в этот день, ни на следующий и ни на третий ее там не оказалось. Вот и вся история.

– Я туда потом еще приходил, – сознался Дмитрий.

– А у нас заболела учительница, – Саша грустно улыбнулась, – и мы сидели дома. Если хочешь знать, я только из-за

тебя не бросила музыкальную школу.

Наконец они достигли волнующегося центра толпы.

– Есть офицеры?! Стройтесь у «Арагви»! – зычным голосом выкрикивал невысокий парень в кепке. – Офицеры! Подходите к ресторану «Арагви»!..

Дмитрий инстинктивно двинулся к «Арагви». В университете, где он учился, была военная кафедра, и теперь он считался офицером запаса, хотя в армии не служил.

– Как жаль... – вздохнул Дмитрий, глядя на Сашу.

– Чего?

– Что у нас с тобой получилось все... так нескладно, – признался он.

– Конечно! – кивнула Саша, с интересом разглядывая его лицо. – Но ты ведь отдаешь себе отчет, что виноват-то в этом только ты?!

– Отдаю... Но если честно и откровенно сказать... – Он смущенно запнулся.

– Говори, говори откровенно. – Саша внимательно рассматривала его лоб, волосы. – Столько времени прошло – нечего смущаться.

– Честно говоря, если бы ты мне тогда просто понравилась... Даже нет. Не так...

– Не понравилась? – лукаво улыбнулась Саша.

– Это не то слово, – серьезно продолжал Дмитрий. – Ты мне в душу запала. Понимаешь? Очень запала!..

– Понимаю. Ты мне тоже.

– Если бы ты произвела на меня не такое сильное впечатление... Я, может быть, действительно вел бы себя посмелее. Порасторопнее.

– Так я произвела на тебя сильное впечатление?

– Очень! И главное – я не мог понять почему?! У меня такого никогда не было до этого. И после тоже не было, – прибавил он.

– И у меня... Мне так хотелось увидеть тебя опять, – призналась Саша. – Я долго представляла нас с тобой. Как мы встречаемся. Идем вместе. Говорим...

– Правда?! – радостно удивился Дмитрий. – И я точно так же, не поверишь! Я думал: вот мы с тобой встречаемся, идем по улицам...

– А по каким улицам, ты помнишь, мы ходили с тобой? – У Саши разгорелись глаза, она затаенно смотрела на Дмитрия, не видя ничего вокруг.

Они не заметили, как медленно сквозь толпу подъехал автобус. Их оттеснило к его открытым дверям.

– Офицеры! Заходите скорее, только без давки! – напористо выкрикивал парень в кепке.

– Я выходила из музыкальной школы, а ты ждал меня на улице, – вспомнила Саша.

– Точно. И мы шли с тобой молча. Я нес твою скрипку. Мы всегда шли с тобой по Кирова...

– Правильно! – счастливо кивнула Саша. – А потом?

– Потом сворачивали в переулок...

– Говори точнее! В какой?

– В Кривоколенный.

– Так. Верно. И дальше как?

– По Кривоколенному мы выходили на улицу Чернышевского. Сейчас она называется...

– Сейчас... – Саша многозначительно и радостно посмотрела на него, – она называется Чернышевского. Потом что?

– А потом я тебя обнимал.

– Это когда же?! – удивилась она.

– Уже около твоего дома. Когда мы расставались.

– Да! – весело согласилась Саша. – Все было совершенно так. Около моего подъезда ты возвращал мне скрипку. И нежно-нежно меня обнимал...

– ...И осторожно целовал в щеку, – смущенно продолжил Дмитрий.

– Да, все так и было, – кивнула она.

– Значит!.. – Он выразительно посмотрел на Сашу. – Я знаю твой дом!

– Но я уже давно там не живу...

– Ребята! – весело крикнул им парень в кепке. – Не навсегда же расстанетесь! Прощайтесь скорее!..

Они стояли у раскрытых дверей автобуса. Сзади на Дмитрия наперли – он загораживал вход. Осторожно, как в детских мечтах, Дмитрий обнял Сашу и нежно-нежно поцеловал в щеку.

Толпа надавила на него сильнее, и он влетел в автобус.

Сразу за ним следом в салон вбегали такие же, как и он, офицеры запаса. Потом двери закрылись, и автобус тронулся. Дмитрий лишь успел обернуться и через головы разглядеть среди волнующейся толпы одиноко стоящую Сашу.

Глава 4

Из справки ГУКВВ МВД РФ за 3 октября:

«17.30. К телецентру на автотранспорте прибыла группа вооруженных мятежников во главе с А. Макашовым и В. Анпиловым, которые обратились к военнослужащим и сотрудникам милиции с требованием сдать оружие, перейти на сторону Верховного Совета и пропустить их в охраняемые здания.

Для усиления караула ТРЦ «Останкино» прибыло подразделение (6-й ОСИ) в количестве 130 военнослужащих и 10 БТРов.

17.45. В Останкине проводился митинг. Численность толпы достигает 10 – 12 тысяч человек».

«...Макашов приказал подойти к телецентру всем вооруженным и построиться вдоль него, не подпускать к зданию безоружных. В две шеренги выстроились баркашовцы – боевики Русского национального единства. Они были вооружены стрелковым оружием.

Два грузовика ЗИЛ-131 стали попеременно таранить стеклянный холл здания. Со звоном рушились стекла...

Раздался взрыв, и тут же на людей обрушился огневой шквал. Началось с хлопков выстрелов подствольных гранатометов и разрывов гранат. Одновременно стоявших вдоль стены автоматчиков

и всех находившихся около входа в телецентр людей стали с двух сторон сечь пулеметными и автоматными очередями. Огонь велся из автоматов и пулемета в упор по толпе из здания телецентра. Стреляли прямо через стекла из боковых окон второго этажа и с пролета центральной лестницы. Перекрестным автоматным огнем их поддерживали из четырех точек с крыши телецентра.

...Оставшиеся в живых, лежа в гряде раненых и убитых, с ужасом смотрели на офицера «Витязя», который, словно в тире, встав у окна второго этажа в учебную позицию с пистолетом Макарова в вытянутой руке, не спеша выцеливал и всаживал пулю за пулей в залегающих у входа в АСК-3 демонстрантов...

...Наступила какая-то режущая ухо тишина. Кричали раненые. Двое мужчин подтащили и усадили возле дерева 18-летнюю девушку с простреленной ногой. Кто-то кричал, что убили журналиста. У роиц лежали еще раненые... В метре от бордюра как-то нелепо и практически вся на виду залегла девушка. Она села и неожиданно громко засмеялась. Это был не истеричный, а обычный смех. Девушка еще не поняла, что вокруг уже много убитых. Для нее это пока еще были необычайные приключения на воскресной прогулке...

...Несколько мгновений кто-то методично, одного за другим, убивал с крыши телецентра замешкавшихся – стоящих у самого входа демонстрантов. В темноте были хорошо видны длинные трассирующие очереди,

которые пронзали людей, хлестали упавших и раненых. Тех, кто не был убит сразу, добились буквально через несколько секунд.

Спецназовцы вели беспорядочный огонь во всех направлениях. Убиты люди в разных местах улицы Королева, ярко залитой белыми фонарями.

Раздались крики: «Сливай бензин с грузовиков! Делай бутылки с зажигательной смесью!» Казаки кричали, что нужно поджечь угол телецентра, откуда били автоматчики, чтобы оттеснить их в глубь здания... Загорелся угол телецентра, и сразу же в это место пошли трассеры с крыши телецентра. Очереди прошли несколько казаков... БТР у торца корпуса телецентра АСК-1, взревев мотором, ударил длинными очередями из крупнокалиберного пулемета по углу корпуса АСК-3. Затем он двинулся к зданию телецентра, где снес огнем весь второй этаж: в районе центрального входа. Демонстранты закричали ему: «Ура!» Протаранив автобус, БТР вернулся к пруду за угол телецентра, развернулся и так же методично стал обстреливать людей в роще из крупнокалиберного пулемета, освещая рощу прожектором...

В 21.15 колонна БТРов вышла на улицу Королева и, давя колесами раненых и мертвых, стала кружить между корпусами АСК-1 и АСК-3. Остановившись напротив входа в АСК-3, БТРы принялись расстреливать людей в роще, поджигать зажигательными пулями брошенные грузовики и

Тихим осенним утром московский поезд приближался к Губернскому Городу. Саша, заспанная и хмурая, с непричесанными волосами, сидела на нижней полке плацкартного вагона. Всю дорогу она проспала и потому не слышала досужих разговоров попутчиков, обсуждавших события минувшей ночи. В вагоне говорили много, ссорились, не дослушав, перебивали друг друга, спорили и непритворно огорчались, будучи не в силах переубедить собеседника. А Саша все спала, крепко и тяжело, уткнувшись в серую непросушенную вагонную наволочку.

За час до прибытия в Губернский Город ее разбудил проводник. Она вздрогнула, резко поднялась, пробормотала что-то невнятное и только тогда окончательно проснулась. Вспомнила, что едет в поезде, возвращается домой из командировки. Командировка была в Москву. В Москве по центральным улицам раскатывали грузовики и БТРы. В Москве стреляли длинными очередями из автоматов по людям... В Москве она впервые заглянула в глаза смерти и впервые поняла, чего стоит человеческая жизнь.

Человеческая жизнь не стоит ничего...

...Прошлой ночью Саша случайно оказалась на Никитском бульваре и видела, как неизвестная вооруженная группировка пыталась захватить здание ТАСС. Саша в страхе метнулась в ближайший проулок, но тут же решила, что это

еще опаснее. В проулке можно наткнуться на резервные силы атаковавших... Дальше она уже совсем ни о чем не думала — бежала куда глаза глядят, лишь изредка с замиранием сердца оглядываясь по сторонам. Пресловутый инстинкт самосохранения с каждой минутой все громче и настойчивее заявлял о своей ничем не ограниченной власти. Движимая инстинктом, Саша не проявляла ни малейшего интереса к происходящему на улицах города и при первой возможности с невероятным облегчением нырнула в метро.

Однако ни в метро, ни в гостиничном номере она не почувствовала себя лучше. Хотелось поскорее выбраться из Москвы.

В гостинице Саша вспомнила, что ежедневный поезд на Губернский Город уходит с Белорусского вокзала в половине двенадцатого. Часы показывали только начало седьмого, но она, долго не раздумывая, бросилась на вокзал, купила плацкартный билет и все оставшееся до отхода поезда время просидела в зале ожидания с напряженным лицом и неестественно прямой спиной.

Только в поезде ей стало немного легче. Она успокоилась и мгновенно заснула, но, проснувшись, опять испытала тревогу, тяжесть...

И она еще собиралась обо всем этом писать! Надеялась таким образом поднять свои акции на работе... Говорят же: кому война, а кому мать родна. Вот и она хотела попробовать прибиться к этим людям. К тем, кому мать родна. Да куда

там!..

...Совершенно ни к селу ни к городу среди войны ей встретился тот человек. Раньше, пятнадцать лет назад, она называла его про себя «тот мальчик». Но тому, кого Саша увидела вчера на Тверской, слово «мальчик» совсем не подходило... И опять она не узнала даже его имени!..

Хотя в имени – какой смысл? В церкви записки за упокой подать?.. Что с ним стало после ночи войны? Может, и он, где-то у Белого дома или в Останкине, сраженный автоматной очередью, рухнул лицом на асфальт. А почему нет? Где их выгрузили из автобуса? На какой огневой позиции?

Вспомнив о мимолетной встрече с «тем человеком», Саша потом уже весь вечер была не в силах забыть о ней. Когда-то он долго и мучительно умирал в ее сердце. Умер, потом неожиданно воскрес, чтобы через несколько часов умереть уже по-настоящему... И все же Саша не могла представить его мертвым. Решила в конце концов, что он жив... Но доведется ли ей увидеть его еще раз? А если да, то при каких обстоятельствах?

Да и какие теперь их ждут обстоятельства? Она ничего не знает о событиях, произошедших за последний день в стране. И даже о том, что случилось в ее собственной квартире, она, оказывается, не имеет ни малейшего понятия.

– Вот! Дождались мы! – На пороге Сашу встретила разгневанная соседка Валентина. – Ты ведь еще ни ухом ни ры-

лом...

– Нет! – Саша вздрогнула. – А что случилось? Переворот? Диктатура фашистская?

– Меня это не колышет, какой там переворот!.. Ты сейчас упадешь, когда узнаешь, кого к нам подселили.

– А кого? – отозвалась Саша на этот раз почти равнодушно.

– Уголовника!.. Я своему сказала: ты как хочешь, а я с таким жить не стану! А он мне: ты ненормальная.

– Конечно, чего тебе переживать?! Вы, может, переедете скоро. Вам же квартиру обещали к Новому году.

– Кому теперь чего дадут, – отмахнулась Валя. – Ты посмотри, что вокруг творится!

– Да... – протянула Саша. – Я насмотрелась в Москве...

– Так что куковать с уголовником придется!

В другое время Саша бы еще постояла в коридоре, посетовала бы на произвол службы распределения жилой площади или просто на произвол судьбы. Но сейчас ей вдруг страстно захотелось поскорее отделаться от Валентины. Игнорируя гневную соседкину тираду, Саша ушла в свою комнату и там, не снимая куртки, присела у стола. Да так и просидела весь вечер.

Она была утомлена и взволнована и, казалось, думала сразу обо всем. О путче, о судьбах России, о «том человеке» – жизнь словно решила дразнить ее им, о бесследно исчезнувшем муже, о дочери и о свекрови, которым надо немедленно

позвонить, о шеф-редакторе, о приближающейся зиме, о матери, умершей уже почти шесть лет назад, о Павле, который тоже, наверное, ждет ее звонка... Но Павлу нельзя звонить домой — у него дома жена и дети.

В прихожей Валя что-то громко и сердито объясняла своему пятилетнему сыну. Потом голоса перенеслись в глубинную квартиру. Валентина ушла укладывать ребенка, а из-за двери доносились теперь незнакомые бодрые шаги. Видимо, уголовник неплохо чувствовал себя на новом месте: энергично прошелся по коридору, из ванной направился в кухню... Хлопали двери, щелкали выключатели. Обойдя места общего пользования, новый сосед вернулся к себе. Дверь опять хлопнула, Саше даже почудился звук поворачивающегося в замке ключа. Она подождала еще, но больше уголовник никак не обнаруживал своего присутствия в их квартире.

Утром следующего дня Саша уже напрочь позабыла об уголовнике. Проснувшись, она принялась обдумывать визит в родную редакцию и особенно разговор с шеф-редактором, или, как в шутку говорили о ней сотрудники журнала, с шефиной. Шефиня конечно же отчитает ее за самовольные действия, но, возможно, ей понравится Сашин материал: не только репортажи с художественных выставок и театральных премьер, но и обзоры московских магазинов. Моды, цены... Цены, между нами говоря, такие, что дух захватывает. В смысле цен более-менее доступными ей показались американские сетевые магазины «Ле Монти». Но даже им

далеко до «Лужников» – самого большого московского рынка. Можно было бы написать честно: в Москве для большинства провинциалок приемлемы только рынки. Однако про рынки в «Vête poïre» не смей даже заикнуться! Их журнал, твердила без устали шефиня, элитный. Поэтому, отправляясь на встречу с ней, Саша прихватила с собой витиеватые опусы о романах Кафки и их воплощении на московских театральных подмостках. Кафка в этом сезоне стал необычайно моден. Еще лично ей очень понравился театр-кабаре «Летучая мышь». Стильно, изысканно, красиво, хотя, наверное, не очень в тему. На дворе – 90-е годы XX века, женщины разгуливают по городу в легинсах! Знаете, что скрывается за этим иностранным словом? Обычные тренировочные штаны! В магазинах на Тверской пара таких штанов потянет на целое состояние!

– А что еще можно купить на Тверской? – спросила с интересом шефиня.

– Куртки-парки, офисные костюмы... Кашемировые накидки-палантины за сто долларов...

– Сто долларов?!

– На Тверской теперь парижские цены!

– Отличная фраза, Сашенька! Как эффектно она будет выглядеть на бумаге! Что-нибудь про парижские цены и парижский шик... Пишите! И про Кафку, и театр-кабаре, и про магазины... Я даже думаю, нам стоит подумать над специальной рубрикой. «Столичное ревю», например. Как вам на-

звание?

– Симпатичное.

– В Москву будете ездить регулярно, дышать столичным воздухом... Ах, я вам даже завидую! Но найдутся дела и кроме Москвы. Я тут подумала, посоветовалась... Что ни говори, а о последних московских событиях придется давать материал. Однако будем сдержанны. Никаких, знаете ли, личных оценок. Самое целесообразное – взять интервью у спикера Городской думы господина Боброва и, уже отталкиваясь от его позиции, написать краткое редакционное вступление. Попробуете?

– Но, – начала было Саша, – до сих пор моей областью считалась культура...

– А культура – само собой. Вы не слышали, что Городской драматический театр приступает к репетициям спектакля под названием «Кукольный домик»?

– По Ибсену? – уточнила Саша. – Нет, я пока не в курсе.

– А кто исполняет главную роль? Ну-ка догадайтесь-ка, специалистка по культуре!

– Рябова?

– Нет, Сашенька, ошибаетесь! Холодно.

– Неужели Алятина?

– И как вам в голову могло такое прийти? В главной роли – сама Шидловская! Кристина Шидловская собственной персоной!

– Шидловская? – не поверила Саша. – Так она же дав-

ным-давно в Москве! В сериалах главные роли играет.

– Было время – играла, – согласилась шефиня. – Было да прошло. В кино она, наверное, быстро примелькалась, а в театре зацепиться не смогла. Вернулась на родину... Ну тут-то ей рады!.. Загляните в театр, потолкуйте с режиссером, может, она вас на репетиции пригласит. Вы ведь знакомы с ней? С Мариной Заварзаевой?

– Я писала об их театре в прошлом году.

– Значит, – подытожила шефиня, – эти два материала с вас к декабрю. А что касается Москвы – даю вам неделю срока. Московские материалы пойдут в ноябрьском номере и станут, надеюсь, его украшением, – закончила она с приятной улыбкой.

Саша почтительно кивнула. Она слегка побаивалась шефини. Элегантная седая дама всегда держалась приветливо и ровно. Но разве поймешь, что скрыто за этой ровной внешней приветливостью?

Люди, давно знавшие шефиню, говаривали о ней разное. Все, однако же, сходились на том, что нрава она крутого и не дай бог что не по ней... И Саша понимала: лучше не нарываться. Темпы обработки московских материалов, сроки написания статей – глубоко личное Сашино дело. Ей за это, между прочим, зарплату платят.

– Железная леди, – вздохнула Сашина приятельница Вика. – А как она считает, тебе не надо есть, пить, спать и гулять?

– Нет, наверно. Вот закончу, тогда поем, выплусь и погуляю.

– А вдруг окажется, что уже поздно?

– Почему поздно? – удивилась Саша.

Но в это время на рабочем столе у Вики зазвонил телефон. Прежде чем снять трубку, она улыбнулась приятной улыбкой, как две капли воды напоминающей шефинину, и проговорила мягко и немного жеманно:

– Добрый день. Вы позвонили в редакцию журнала «Bête noire».

Персонал у шефини был вышколен по-настоящему!

«Строим из себя, – оглядывая неказистый Викин кабинет, с презрением подумала Саша. – А по сути – такое убожество кругом!»

Редакция «Bête noire» находилась на втором этаже доходного дома провинциальной постройки. При помощи фанерных перегородок некогда просторные комнаты превратили в узкие пеналообразные помещения. Фанеру обклеили дешевыми, теперь уже давно выцветшими обоями, наборный паркет застелили разномастными кусками линолеума. Как после пожара!.. А в Москве у всех на слуху красивое слово «евро-ремонт». У Саши оно рождает ассоциацию с чем-то светлым, респектабельным, очень просторным.

– Почему поздно? – переспросила Вика, закончив говорить по телефону. – Потому что потом будет уже не с кем гулять! Твой суженый – твой Павлик – может и не дождаться

тебя! – Она лукаво рассмеялась.

– Может и не дожждаться, – усмехнулась Саша.

– Вчера два раза звонил, интересовался, не приехала ли. Волнуется, в Москве такие дела творятся.

Саша молчала.

– Ну, чего ждешь? – рассердилась Вика. – Позвони ему.

– А я в Москве, – вспомнила Саша, – одного человека встретила...

– Ты с кем-то познакомилась? – спросила Вика, усаживаясь поудобнее и вся обращаясь в слух. – Рассказывай, не томи.

– В том-то и дело, что не познакомилась, – заметила Саша грустно.

– Не клюнул?

– Да клюнул! Только толку чуть. Его сразу увезли на позиции и там убили.

– Откуда ты знаешь?

– Наверное, убили. Там людей убивали пачками.

– И все? – протянула Вика разочарованно.

– Не все! Не все... Я ведь его знала раньше. Давно, до Вадима, когда еще в Москве жила.

– До Вадима? Сколько же тебе было лет?

– Четырнадцать или пятнадцать.

– А ты говорила, у тебя до Вадима не было никого!

– Так и не было. Мы с ним не были знакомы, просто виделись несколько раз на улице.

– И ты его не забыла?! – воскликнула Вика в недоумении.

– И он не забыл меня... А теперь его убили, наверное, – вздохнула Саша горестно.

– Да может, и не убили. Давай позвоним в Москву!

– Ну ты даешь! То Павлу звони, то в Москву! Я что, потвоему...

– По-моему, надо позвонить и хотя бы узнать, все ли с ним в порядке.

– Не получится. – Саша улыбнулась, как бы извиняясь за свою безалаберность.

– Это почему?

– У меня нет его номера.

– Ерунда, по справочной найдем!

– Не выйдет. Его адреса и фамилии у меня тоже нет.

– Ну хотя бы имя? – спросила Вика с интонациями последней надежды.

– И имя...

– Как это так?

– Да какая разница, – покачала головой Саша. – И Павлику мне почему-то не хочется звонить.

– Не звони, раз не хочется... Только так недолго и между двумя стульями оказаться.

Саша с выражением злой досады принялась накручивать диск допотопного телефонного аппарата.

– Не хочешь – не звони! – обиделась Вика. – Зачем делать такие зверские морды?

– Нет уж, позвоню!.. – отрезала Саша. – Аллю, Павел! Все, я, слава богу, приехала... Сейчас?... Нет, я не могу прямо сейчас. – Саша засмеялась. – Я тоже соскучилась, но сейчас нет... к сожалению. Давай вечером... Хорошо, хорошо...

– Ну что, не жалеешь, что позвонила? – Вика с укором глядела на повеселевшую, разругавшуюся Сашу.

– Жалею! – улыбнулась она. – Работать, получается, некогда. Вечером с Павлом встречаюсь...

– Все надо успевать! – заметила Вика строго.

– А как работать? – продолжала Саша. – На следующей неделе пойду брать интервью у Кристины Шидловской.

– Кошмар! Лучше откажись.

– Не стоит. Мы с ней теперь в одинаковом положении. Вадик бросил нас, потом еще какую-то балерину и женат теперь на итальянской оперной певице.

– Это уже карьера.

– Своего рода, – согласилась Саша.

– Карьера настоящего мужчины! – не унималась Вика.

Но тут у нее на столе снова зазвонил доисторический телефон. И, приятно улыбнувшись, она пропела в трубку:

– Добрый день. Вы позвонили в редакцию журнала «Vête poîre»... Хотите разместить рекламу на страницах нашего журнала?... Мы всегда рады вам помочь!

Саша поняла, что это надолго. Поднялась, кивнула подружке и вышла из кабинета.

Теперь ее путь лежал к свекрови.

До современного микрорайона Заречье из центра можно было доехать лишь с пересадкой на двух трамваях, которые, как назло, вовсе и не ехали – скорее ползли. А на мосту через Днепр трамвай просто замер на какое-то время. Пассажиры приготовились к тому, что сейчас им предложат выйти и продолжить путь пешком, однако обошлось – трамвай поднапрягся и поднялся на мост... В общем, несмотря на это и другие злоключения, в час обеда Саша входила в квартиру родителей своего бывшего мужа.

За столом на кухне сидела Сашина одиннадцатилетняя дочь Оля и ела суп. Ее мягкие, русые, абсолютно такие же, как у Саши, волосы были заплетены в короткие тугие косички, и, когда Оля наклонялась над тарелкой, становился виден тоненький бледный безупречно ровный пробор.

– Бабушка ушла в магазин, – сообщила Оля, не отрываясь от супа. – За пирожными.

– Сейчас попьем чаю и поедем домой.

– Домой? Я не хочу домой. – Оля доела суп и бросила недоеденный хлеб в тарелку.

– Поедешь, – сказала Саша спокойно.

– Дома я все время одна. А Неля уроки со мной делает...

– Я тоже буду делать с тобой уроки, – поспешно пообещала Саша.

– Тебе всегда некогда... И приходишь ты поздно. И тетя Валя ругается, что мы не моем посуду и на кухне не убираемся.

Все это было чистой правдой. Саша действительно забывала мыть посуду, редко убиралась на кухне и не делала уроки с дочерью. В свое время с ней тоже никто не делал уроков, и она от этого не страдала. Но это она. А Оле нужна помощь и просто человеческое внимание. Только Саше некогда. Все у нее работа, да интервью, да еще в последнее время – Павел. И получается, должна ее Оля просиживать целый день одна. Выслушивать Валентинины недовольства... а тут еще уголовник нарисовался. Как она сможет оставлять свою девочку в одной квартире с уголовником?

– Ну что, можно я у бабушки поживу?

– А можно Олечка до конца четверти останется у меня? – вернувшись из магазина, спросила деликатная свекровь. Это, мол, не насовсем – так, ненадолго. – Андрюша мой полюбил жить на даче, – продолжила она, словно в свое оправдание. – Может, и ты пока переедешь к нам?

– Спасибо, Нелли Константиновна. Но мне там до редакции ближе. И я привыкла... – неуверенно ответила Саша, думая при этом про уголовника. – Но если что...

– Если что, мы будем тебе рады.

– И правда, мамочка! Почему? Перебирайся к нам, – ожилилась Оля. – Перевези только свою машинку! Остальное все тебе Неля даст... Да, бабушка?

– Я постараюсь, – совсем уже невпопад ответила Саша – теперь ее мысли перенеслись от уголовника к Павлу. Как она объяснит им свое долгое отсутствие вечерами? Ольга еще

пока верила в байки про срочную работу, но Нелю такими вещами не проведешь.

– Я постараюсь... – рассеянно пробормотала она, уже застегивая куртку в прихожей.

– Куртка у тебя красивая, – заметила свекровь. – И идет тебе. В Москве покупала?

– Куртку? Да, в Москве.

– И вообще ты очень похорошела после командировки.

«Похорошела... – раздумывала Саша, сидя в трамвае по дороге домой. – Не покупала новой косметики, плохо и мало спала, ела что придется...» И вдруг догадалась. Такая уж у них жизнь в Губернском Городе – от нее одуреешь и подурнеешь! Она похорошела потому, что прокатилась в Москву. И в Москве встретила того человека...

Саша так размечталась, что чуть не проехала свою остановку. Да... Хорошего понемножку. Москва – коротенький эпизод, яркий всплеск. И снова до боли знакомая улица, бывшая Малая Дворянская, а ныне – улица Карла Либкнехта. Вот ее дом, третий от угла... На улице Карла Либкнехта круглый год затишье. Изредка пройдут пешеходы, проедет машина. «Волга» или девятая модель «жигулей» – ничего интереснее здесь конечно же не появится.

Услышав шелест шин, Саша машинально оглянулась. Так и есть – «девятка». Обогнав Сашу, темно-синий автомобиль припарковался напротив ее парадного. Из машины вылез парень – худощавый, с аккуратной стрижкой, в светлых джин-

сах и черной по моде кожаной куртке. Окинув улицу быстрым цепким взглядом, он остановился у машины, постоял, поигрывая ключами, и, когда Саша проходила мимо, нацелил на нее внимательный, словно ощупывающий, взгляд, не спеша провел им снизу вверх от туфель по ногам, туго обтянутым джинсами, и, не задержавшись на куртке, скользнул по лицу, глазам и волосам. Она отвернулась, но взгляд по-прежнему чувствовала.

«Наглец!» – подумала Саша, но парень все продолжал шарить по ней взглядом – он, должно быть, не владел искусством чтения чужих мыслей.

Тогда Саша решила смутить дерзкого юношу – уставилась на него вызывающе, в упор. В ответ он только улыбнулся, Саша не поняла – задорной или наглой улыбкой.

«Лишнего себе позволяешь! – негодовала она про себя. – И откуда это в последнее время столько всякой швали повылезло?! На пустынной улице он будет третировать одинокую женщину, дай такому в руки автомат – откроет огонь по безоружным людям...»

Но – странное дело! Проговаривая мысленно весь этот монолог, Саша не испытывала неприязни. Чем-то этот парень оказался ей симпатичен.

Она уже взялась за ручку двери подъезда и боковым зрением заметила, что молодой человек направляется за ней. Нет, это уж слишком! Какой бы он там ни был, но перспектива очутиться вместе с ним в безлюдном подъезде абсолютно

Саше не улыбалась. Она отошла в сторону, пропуская вперед нахального парня. Для убедительности поставила на асфальт небольшой пакетик с рукописями. Парень, недолго думая, подхватил сейчас же Сашин пакет.

– Можно вам помочь?

– Спасибо, как-нибудь справлюсь! – Саша выхватила пакет из рук молодого человека и решительно зашагала вперед.

– Извините, но я подумал, что вам тяжело. Раз вы его на землю поставили.

Саша молча усмехнулась, зашла в подъезд и стала подниматься по лестнице. Парень, сохраняя дистанцию, поплелся за ней. Дойдя до третьего этажа, Саша в растерянности остановилась перед дверью своей квартиры. Ну не доставать же при нем ключи!

– Вам какую дверь открыть? Эту? – прикалывался парень.

– Эту!

Тогда, к ее немалому удивлению, он вытащил из кармана связку ключей и распахнул перед Сашей дверь ее собственной квартиры.

– Пожалуйста! – любезным и одновременно сдержанным жестом пригласил он ее войти.

– И вы любую дверь так легко открываете? – изумленно спросила Саша. Теперь она убедилась: перед ней банальный квартирный вор, рассчитывающий снискать ее расположение дешевыми профессиональными трюками.

– А вам и другие открыть нужно?

– Ни в коем случае! Я чисто теоретически интересуюсь.

– А если чисто теоретически, то я здесь живу.

– Нет, здесь живу я!

– А вы одна здесь живете?

– Да нет, тут еще семья... А недавно к нам какого-то уголовника подселили.

– О! Это я уголовник! – обаятельно улыбнулся молодой человек и с этими словами зашел в квартиру.

– Извините, – смутилась Саша. – Я не знала, что это вы уголовник...

– Да нет, ничего. На правду не обижаются. – Он продолжал улыбаться.

– Да разве вы уголовник? – не поверила вдруг она.

– Ну да... В тюрьме я за правду страдал.

– Вот как? За правду? – вынимая ключ из кармана куртки и отпирая дверь в свою комнату, смеялась Саша. – За какую же, интересно, правду?

– Заходите, расскажу с большим удовольствием.

– Спасибо. В другой раз.

На разговоры с уголовником уже не осталось времени. После двухнедельной разлуки Саше хотелось в лучшем виде предстать перед Павлом. Надо действовать: принять душ, переодеться, поправить прическу, освежить макияж. А тут еще уголовник... Саша почувствовала, что у нее поднимается настроение. И Губернский Город не так уж скучен, если он населен такими занятыми людьми, как этот парень. А она-то,

дурочка, послушала Валентину. За Олю испугалась... Впрочем, надо немного еще подождать, присмотреться и только после этого перевозить девочку к себе. Ведь первое впечатление не всегда оказывается правильным.

Ход Сашиных мыслей нарушил телефонный звонок.

– У нас все остается в силе, малыш? – без приветствий и предисловий спросил ласковый и мужественный голос, принадлежащий Павлу.

Звук этого голоса так сильно трогал и волновал, что Саша на мгновение задохнулась.

– Все остается, – справившись с собой, тихо ответила она.

– Я ужасно соскучился...

– И я.

– Целую тебя.

– Целую, – отозвалась Саша с улыбкой.

– Не забудь о предосторожностях! – напомнил мужественный голос.

– Обязательно!

– Ну все. До встречи, малыш!

Саша повесила трубку и с брезгливостью осмотрела комнату. Он все испортил! Все! Одним словом – «предосторожности». Эти предосторожности так унижительны, так горьки! Они отравляют ее жизнь, ее любовь, а Павел будто и не замечает этого.

Захотелось вдруг отомстить. Возмутить, например, его тихую семейную заводь. Сделать это очень просто – доста-

точно трубку с аппарата снять... А можно просто наплевать на предосторожности. Завтра же по Губернскому Городу поползут зловещие слухи: модный фотохудожник Павел Ельчанинов, тот самый Ельчанинов, чья персональная выставка проходила во Дворце искусств этим летом, тот Ельчанинов, которого теперь часто приглашают на телевидение, был замечен в поздний час в обществе неизвестной молодой женщины, входящим в частную гостиницу на седьмом километре Губернского шоссе...

Но можно не делать ни того ни другого. Просто постучаться в комнату напротив и попросить:

– Расскажите, за какую вы пострадали правду.

В комнате напротив ей очень обрадуются, а Павел, с его самолюбием, надо думать, факта измены не переживет.

Но, увы, призналась себе Саша, она не способна ни на первое, ни на второе, ни на третье. Поэтому остается еще раз провести пуховкой по лицу, сбрызнуть духами волосы и начать движение в сторону трамвайной остановки. Пока-то она доберется до седьмого километра...

Глава 5

«...На Киевском шоссе около двух часов ночи группа депутатов (Павлов, Шаивиашили, Слободкин, Сердюков и председатель Киевского райсовета) встретила воинскую колонну, направляющуюся к Белому дому, и задержала ее на несколько минут. В колонне было около ста единиц бронетехники. Депутаты перегородили шоссе машиной. Николай Павлов призывал солдат не стрелять в соотечественников. Из первого БТР их стали ловить в прицел крупнокалиберного пулемета. На дороге выбежали милиционеры. Один из них, ткнув Павлову в бок ствол пистолета, кричал, что сейчас его застрелит. Депутатов оттащили с пути. Колонна бронетехники проследовала дальше...

6.45. К баррикадам у Белого дома подошли БТРы и открыли пулеметный и автоматный огонь на поражение. Первыми очередями было убито около сорока безоружных человек. С этого момента и до 5.30 следующего, 5 октября огонь из БТРов и БМП (боевых машин пехоты) практически не прекращался...

...Рукой по радиотелефону кричал:

– У вас же есть оружие! Ударьте им в спину или убедите немедленно прекратить огонь. Объясните, что здесь есть женщины и дети. В здании около 10 тысяч человек. У меня уже 40 убитых. Танки сейчас

начнут стрелять залпами. Они убийцы. Остановите их! – Руцкой то появлялся, то исчезал в проеме двери, постоянно с кем-нибудь связывался по радиотелефону, говорил одно и то же. Требовал, чтобы собеседники звонили в западные посольства, в правительства...

С моста начинали методично бить танки, неторопливо вгоняя снаряды в тело Дома Советов. Сверху непрерывным потоком летели стекла...

...На остатках баррикад лежали убитые, развороченные очередями люди. Это были безоружные горожане, пытавшиеся укрыться от огня под мостом и в его окрестностях. Еще в начале атаки пять БТРов проложили колесами и огнем пулеметов кровавую дорожку между западной и восточной баррикадами. Один из этих БТРов подошел к мосту и в упор расстрелял из крупнокалиберного пулемета всех спрятавшихся там людей...

12.00. В подвал Белого дома ворвались первые штурмующие... Пленные женщины начали дружно скандировать: «Банду Ельцина – под суд!»

На площадку перед Белым домом с парадной лестницы прорвались несколько журналистов. Впереди два иностранца – усатый телеоператор с большой видеокамерой в фиолетовом спортивном костюме и его помощник. Внутреннее радио транслировало голос депутата Уражцева:

«Подходит трудовая Россия, трудовая Москва. Они идут к нам на выручку к Дому Советов. Мы победили Гитлера! Мы победили фашизм. Наши отцы и матери

работали, чтобы создать такое государство!..»

Офицер «Вымпела» подошел к Руцкому и отдал честь:

– Товарищ генерал, полковник Проценко явился с заданием вывести вас из Дома Советов.

– Какие гарантии, что мы останемся живы ? – спросил Руцкой.

– Слово офицера-афганца.

– Вы в турецкое посольство нас увезете? – спросил Руцкой.

– Нет, – ответил полковник.

Перед тем как под конвоем выйти из Белого дома, Руцкой обратился к окружающим:

– Они могут пойти на все. Скажите, что вы видели нас, что мы не застрелились, чтобы наши трупы потом выдали родственникам.

Обращаясь к полковнику Проценко, Руцкой добавил:

– Полковник! Вы можете увезти нас в турецкое посольство?

Хасбулатов:

– Какое тебе тут может быть турецкое посольство?!

...К ночи 4 октября трупы убитых, собранные перед Белым домом, сложили в штабель, который достиг около двух метров в высоту и нескольких метров в ширину, и накрыли полиэтиленовой пленкой.

Пожар на пятнадцатом этаже в районе маршевых лестниц отрезал все пути спасения и обрек людей на долгую и мучительную смерть. Последние

пять этажей выгорели дотла со всеми своими обитателями...»

www.user.commsol.ru

Автобус, битком набитый офицерами запаса, в котором ехал Дмитрий, проплутав переулками, неожиданно вновь выехал на Тверскую и, свернув на улицу Станкевича, остановился на задворках Моссовета. Тут Дмитрий и просидел всю ночь, греясь у костра. Было странно видеть на ночной улице толпы веселого гуляющего народа, хотя говорили, что совсем недалеко отсюда, у здания ТАСС, шла перестрелка.

На улице же Станкевича было тихо. Глядя на оранжевые языки костра, на искры, уносившиеся в холодное осеннее небо, Дмитрий думал о мимолетной удивительной встрече с той девочкой из его полудетских грез. И эта случайная встреча, и тревожные отблески костров на стенах Моссовета, и лихорадочное народное гуляние по всей ширине Тверской улицы, и далекий глухой стук пулемета у здания ТАСС – все было странно связано между собой. Ему показалось, что в такую ненормальную ночь только и можно встретиться со своими забытыми детскими снами.

Где-то в середине ночи, ближе к рассвету, пронесся тревожным ветерком слух, будто со стороны Белого дома к Тверской пробиваются вооруженные группы, человек по десять, и что сейчас начнется раздача оружия. В окружении трех автоматчиков по улице быстро прошел взволнованный Чубайс.

Вскоре из бокового проулка выехал и встал перед заграждением – сваленными на проезжую часть мусорными баками и бетонной клумбой – обшарпанный грузовик. В его открытом кузове сидели несколько усталых мужчин. Все они были удивительно похожи на них, офицеров запаса, но Дмитрий сразу догадался – это противники. В руках одного из них – длинное ружье с вороненым стволом. Человек с ружьем, махнув рукой в сторону улицы Станиславского, что-то спросил у подошедших к машине. Видимо, узнавал, есть ли там оцепление и проезд. Ему ответили. Грузовик быстро уехал.

Казалось, сейчас что-то начнется. Но наступил рассвет, и всех распустили по домам.

Ночь прошла. И вместе с нею кончилось все. Кончилась война, так и не начавшись. Дмитрий вернулся домой.

Заслышав звук отпираемой двери, радостная жена кинулась ему на шею:

– Димка!.. – В глазах ее дрожали слезы. – Вернулся! Светик, папа с войны пришел!..

Но дочь, измученная тревожной ночью, крепко спала.

– Ты себе не представляешь, – счастливо тараторила Елена, – как мы за тебя боялись! Тут всю ночь стреляли. Потом танки пошли!.. – Она вдруг подозрительно улыбнулась: – Где ты был?

– Простоял всю ночь у Моссовета, – признался Дмитрий.

– У тебя такой вид... – Она всмотрелась ему в глаза.

– Какой вид?

– Будто ты не с войны идешь, а... – Елена смешалась.

– А будто откуда? – удивился он.

– Были там среди вас женщины?

– Откуда они там?! Все офицеры запаса. А кстати!.. Ты знаешь такой журнал «Bête noire»?

– Что за журнал? Военный?

– Женский...

– Ты там читал его, что ли, стоя у Моссовета?!

– Нет. Просто одна журналистка для этого журнала взяла у меня интервью.

– О чем же она тебя спрашивала?

Дмитрий задумался. Только сейчас он осознал, что опять, как и в ту далекую снежную зиму, не узнал ни имени ее, ни телефона, ни нового адреса.

– А какая она из себя, – пыталась его Елена, – эта журналистка? Симпатичная?

– Обычная сероглазая девочка со скрипкой, – улыбнулся Дмитрий. – В простом пальтишке.

Жена лишь недоуменно пожала плечами:

– Никогда даже не слыхала о таком журнале. «Bête noire»? Кажется, нет такого...

И Дмитрий в тот же день выяснил, что журнала такого действительно нет и никогда не было.

Жизнь пошла своим чередом. Вскоре он с коллегой, тоже историком, приступил к открытию частной школы. Предприятие выглядело безотказным. Дмитрию хотелось создать

нечто изящное, на манер Царскосельского лицея – с древними языками, латинским и греческим, фехтованием, верховой ездой и углубленным изучением античной истории. Лицеисты, по замыслу устроителей, пребывают в школе постоянно – неперенный залог успешного постижения наук, искусств и благородных манер, позволяя счастливым родителям забирать баловней судьбы из стен альма-матер лишь на летние и рождественские вакации.

Над всем этим Дмитрий видел себя в сдержанной роскоши, под стать заведению: в светло-серой тройке, строго и солидно, но непременно с артистической бабочкой, скорее всего, бордовых тонов с благородным отливом. Пиджак не застегнут – хорошо заметна белоснежная, от-кутюр, сорочка с антикварными запонками. От него пахнет дорогим одеколоном.

Для подобного заведения нужно было что-то загородное и тихое. И такое место вскоре нашлось! Это оказался ведомственный пионерский лагерь в ближнем Подмосковье, вот уже несколько лет простаивающий. Загибающемуся на глазах ведомству было не до профсоюзных изысков. Двухэтажный аккуратный особнячок у пруда среди уютных зеленых аллей на огороженной территории, построенный всего лишь десять лет назад из современного светло-желтого кирпича, смотрелся несколько заброшенным из-за протечек, пыли и мусора. Но ведомство, обрадованное, что наконец-то нашлись арендаторы, взялось в кратчайшие сроки и полно-

стью за свой счет довести «корпус с прилегающей территорией» до ума.

Дело оставалось за малым: найти приличных педагогов, правильно составить и подать рекламу элитного, возможно самого элитного, в России лицея.

Далее вопрос коснулся цены на учебу, и тут всплыла одна неприятная деталь. Пионерский лагерь располагал собственной котельной. Казалось бы, и это неплохо – не будет неизбежных в Подмоскovie перебоев со светом и теплом. Но... себестоимость угольной котельной оказалась запредельной. Раскидали сумму по ее эксплуатации на «счастливых баловней Фортуны», и ежемесячная цена за пребывание в лицее подошла к сказочной по тем временам отметке в пятьсот зеленых!

По рекламе, на которую Дмитрий с компаньоном ухлопали значительную часть своих средств, шквально звонили, но явились только две пары немолодых родителей. У тех и других были поздние дети, которых им неимоверно хотелось баловать. Одна из этих пар даже с легкостью выложила требуемую сумму за свое «несчастное и такое впечатлительное дитя»... Деньги им пришлось вскоре вернуть.

В довершение всего, уже поздним вечером в квартире Дмитрия раздался телефонный звонок. Звонивший, представившись экстрасенсом, авторитетно заявил, что лицей в этом месяце открыть не удастся. Дмитрий вежливо поблагодарил за предупреждение и повесил трубку.

У другого бы на месте Дмитрия от обманутых надежд давно опустились бы руки. И он до конца дней просидел бы в пыльной студенческой аудитории, втолковывая сонным студентам за медные гроши историю Крестовых походов, причины падения Византийской империи под натиском турков-сельджуков и последствия рейда монгольской конницы через Среднерусскую равнину.

Но Дмитрий, как мы уже упомянули раньше, рода был несговорчивого и даже упрямого. Последняя суeta с открытием лица не прошла даром. Дмитрий сумел извлечь из нее неожиданную пользу – новые мысли!

Решая вопросы убранства классов, комнат воспитанников и своего собственного кабинета (работа велась не абы как, от балды, но по сохранившимся рисункам и фотографиям знаменитого учебного заведения, в котором получал образование Пушкин), Дмитрий случайно вышел на производителей мебели на окраинах бывшего Советского Союза и даже дальнего зарубежья. И теперь в его возбужденном мозгу носились блестящие идеи, одна другой ярче. Вскоре Дмитрий сделал следующий ход – задумал открыть эксклюзивный салон по продаже плетеной мебели из ротанга. Салон «Борнео» – оригинально и со вкусом!

Под это дело он арендовал бывший овощной магазин в спокойном центре Москвы. Место не проходное, но оно и не должно быть бойким – изысканность плетения ориентирована исключительно на знатоков.

А далее все пошло не так, как хотелось Дмитрию. Работа по оформлению помещения велась впопыхах – поджимали сроки арендных выплат. Был сделан нехитрый ремонт, и запах гнилой картошки с прокисшей капустой сохранялся еще долгое время.

Завезли первую партию товара – два комплекта плетеной ротанговой мебели. Первый гарнитур – большой стол, шесть стульев, этажерка и диванчик. Все на чугунном каркасе. Второй комплект – похожий, но на гнутых ножках и мореный под черное дерево.

Перед открытием Дмитрий метался по магазину, красивее переставляя мебель, напольные вазы, поправляя в них сухие цветы... Но вот – ровно 10.00 – «Мы открылись!»... У входа звякает колокольчик. Дмитрий глотает набежавшую слюну. Первые посетители...

А уже к вечеру все комплекты мебели, включая напольные вазы и даже настенные японские фонарики из рисовой бумаги, подвешенные собственноручно Дмитрием, были раскуплены!

Но далее вышел крупный скандал.

Все следующее утро его телефон обрывали разъяренные «ценители восточной экзотики», «имевшие неосторожность связаться» с салоном «Борнео». И вся плетеная мебель, так удачно распроданная вчера, уже к обеду вернулась в магазин.

– Ёкарный бабай!.. – лишь растерянно повторял Дмитрий, наблюдая за разгрузкой просиженных стульев с выломанны-

ми спинками.

Оказалось, что далеко не все сорта ротанга годны для плетения мебели. И даже подходящий по качеству сортовой мебельный ротанг перед плетением нуждается в соответствующей обработке. Короче, проходимцы обвели лохана Дмитрия вокруг своего желтого и кривого пальца, подсунув хрупкий вариант корзиночного ротанга, который, естественно, не выдержал крепких задов и широких спин русских эстетов.

Однако Дмитрий не унывал и не кис, а из последнего неожиданного облома вынес не только подходящий урок, но и свежую идею.

Вскоре у бывшего овощного магазина в очередной раз сменилась вывеска. Теперь он назывался «Мебель фараонов».

Дмитрий сохранил специфику своего магазина, лишь сменил ротанг на ивовую лозу, значительно превосходящую ротанг в прочности. Тому имелись и исторические подтверждения. В гробнице Тутанхамона археологи обнаружили два сплетенных из ивы стула, и в таком хорошем состоянии, что они вполне могли бы украсить современный интерьер. Культура плетеной мебели прошла через века. Античные литературные памятники свидетельствуют, что в Древнем Риме вещи, изготовленные из прутьев ивы, пользовались большой популярностью. А начиная со Средних веков плетеные ивовые изделия нашли самое широкое применение. И если у крестьян – это корзины, коробка, люльки для младенцев, то у

аристократов – мебель.

Изящно сплетенные предметы интерьера, правда еще покрытые позолотой, украшали будуары и дворцы знатных особ по всей Европе. Во Франции, законодательнице мод, в конце XIX века даже вырубали виноградники, а освободившееся место засаживали сортовой ивой.

О прочности ивы свидетельствует и то, что из нее плели тарантасы, выездные сани, гондолы для дирижаблей, аэростатов и воздушных шаров.

Дело у Дмитрия пошло. Через полгода он уже был владельцем сети магазинов, специализирующихся на продаже корпусной мебели из ДСП – древесно-стружечных плит. Да, изящества и красоты в этом было немного, зато дело приносило хорошие деньги.

Одним из уроков, преподанных Дмитрию самой жизнью, стало понимание того, что торговать нужно или очень дорогим, или, наоборот, совсем дешевым товаром. Промежуточно-половинчатые вещи уходили трудно. Но для дорогого товара нужен был «серьезный антураж с подходом» к быстро нарождающемуся, новому, на удивление капризному отечественному клиенту. Дешевая же мебель для дома и офиса, наскоро свинченная из дээспэшных плит, продавалась легко, шутя. А предупреждения Минздрава РФ о ядовитости материала – кого они останавливают сейчас?! Тем более совсем еще недавно, в начале 90-х годов, подобную мебель, шкафы и стенки, продавали строго по специальным удостоверени-

ям.

Итак, оставив нелепые эстетствования и мечтания об эксклюзивном изяществе, Дмитрий молниеносно разбогател.

А Елена стала его верным и надежным компаньоном.

Вечерами теперь они шли куда-нибудь пройтись. Тогда еще существовала изжитая со временем привычка – гулять по Москве. Дорогой они весело переговаривались, болтали ни о чем, но при этом разговор всегда сводился к общему делу – дээспэшной мебели. Не они, но дело нуждалось в этом. Ведь любое предприятие как живой организм – или растет и развивается, или же засыхает. Третьего не дано.

Почему-то получалось так, что Дмитрий с Еленой всегда оказывались на Чистопрудном бульваре. Они заходили в стеклянный ресторан «Джал-таранг». Дмитрий оказался любителем острой индийской кухни – раньше Елена не замечала за ним этого.

Они сидели на втором этаже, откуда открывался вид на обе стороны бульвара – на Чистые пруды и на метро «Кировская», пили сладкое крепкое вино под пение одинокой цыганской скрипки, которая точно силилась рассказать о чем-то давно ушедшем, что осталось далеко-далеко. Дмитрий задумчиво ее слушал, невнимательно и грустно кивая словам Елены.

Потом они шли домой, и всегда почему-то одной и той же дорогой – через маленький скверик, затерянный среди старых домов у метро «Кировская».

Дмитрию теперь приходилось много ездить по стране в поисках более дешевых опилок и клея. Так в середине декабря 1994 года он оказался в Губернском Городе.

Глава 6

«К середине 1994 года закончилось «всеобщее вооружение» народа на территории Чечни, осуществляемое на основе стихийно возникшего рынка. Дудаев формировал армию независимой Чеченской Республики. В середине 1994 года Чечня была объявлена исламской республикой. Вместо гражданского кодекса на ее территории стали действовать законы шариата. Неприятие частью чеченского общества политического курса Дудаева привело к возникновению оппозиции, которая стала создавать свои вооруженные формирования. Между ними и войсками Дудаева произошли столкновения. Обстановка в Чечне, оказавшейся на грани гражданской войны, благоприятствовала свержению сепаратистского режима, и 11 декабря 1994 года в мятежную республику с целью наведения «конституционного порядка» были направлены российские войска.

11 – 12 декабря. Во время прохождения маршем через территорию Республики Ингушетия войска столкнулись с попытками гражданского населения блокировать дороги. Была разобрана железнодорожная ветка, ведущая в Чечню, имели место обстрелы войсковых колонн, были повреждены или сожжены 28 военных автомобилей. Федералы

в ответ открывали огонь, что привело к жертвам среди мирного населения. Были зафиксированы также обстрелы войсковых колонн и воинских частей со стороны других населенных пунктов, а также из проезжающих автомашин».

Chechnya.ru/ Информационное агентство Чечни

Всего на полдня Дмитрий прибыл в Губернский Город. Сеть мебельных магазинов не отпускала его надолго, требуя постоянного личного присутствия в Москве. Уладив дела к середине дня, Дмитрий сразу двинулся в обратный путь.

До отхода поезда оставалось время, и от мебельного комбината до вокзала он решил добраться пешком.

Раньше Дмитрий никогда не бывал в Губернском Городе. Стоял веселый морозный день. Малиновое, по-билибински сказочное солнце висело над крышами домов. Дмитрий с удовольствием слушал бодрый скрип снега под ногами.

Губернский Город вызывал странные ассоциации с Москвой.

Дмитрию казалось, что он идет по Бауманской в районе рынка, повернув в переулок, очутился вдруг в Замоскворечье. А вдали за домами замелькал ни дать ни взять Савеловский вокзал.

Удивительный город, думал Дмитрий, Москва, только странно все переставлено, перемешано. Наверное, если поискать, найдешь и свою улицу. Напоминает детские сны. Именно такая Москва ему снилась в далеком детстве. И

Дмитрий вдруг вспомнил свой старинный сон. Ему снилось, будто он попал в какой-то неизвестный или, скорее, забытый район старой Москвы. Долго блуждал по нему в поисках какого-нибудь метро или знакомой улицы... Почти уже отчаялся выйти. Завернул за угол и неожиданно оказался у своего родного дома.

«Выходит, – усмехнулся Дмитрий, – мне тогда снился этот Город. Значит, я здесь бывал в детстве. Ничего тут не изменилось с тех пор, только напрасно я искал метро».

Он остановился у киоска «Союзпечать» купить что-нибудь почитать в дороге, скоротать время до Москвы. «Город из моих детских снов», – смеялся Дмитрий, разглядывая небогатый ассортимент журналов и газет в витрине. И вдруг остолбенел... С журнальной обложки на него глядела лукаво улыбающаяся девушка, а под ней стояла надпись: «Bête noire».

– Дайте посмотреть вон тот!.. – Он судорожно ткнул пальцем в девушку.

– Это женский журнал, – зевнула киоскерша и не пошевелилась.

– Как он называется?

– Этот, что ль? – Киоскерша ткнула пальцем прямо в глаз лукавой девушки.

– Этот, этот!

– Я же вам говорю, мужчина, – это женский журнал. Вам не понравится...

– Давайте же его скорее!..

Поспешно отыскав адрес редакции, Дмитрий побежал. До отхода поезда оставалось совсем немного времени.

Он бежал, как ему казалось, по Большой Ордынке, свернул в проулок и попал на неизвестную улицу, но над домами плыли краснокирпичные трубы шоколадной фабрики «Красный Октябрь» – значит, там Берсеневская набережная. Добежав до угла, Дмитрий остановился у незнакомого трехэтажного здания, на котором красовались более чем родные слова: «Bête noire»!..

Взглянув на часы, Дмитрий влетел по лестнице на второй этаж, толкнул первую попавшуюся дверь и очутился в узкой комнате, заваленной кипами бумаг. За ними у окна виднелась голова женщины.

– Девушка!.. – задохнулся Дмитрий. – Скажите скорее... У вас... должна такая... работать...

– Мужчина! – грозно поднялась женщина. – Вам что здесь нужно?! – Она приняла его за ненормального или пьяного. Или за того и другого одновременно. – Мужчина! Покиньте служебное помещение!.. А не то...

– Мне нужна... Она у вас работает... – мучился Дмитрий. – Мой поезд уходит!..

Но тут за его спиной тихо щелкнула дверь. Грозная женщина с интересом глянула ему через плечо. Дмитрий тоже обернулся и замер... В дверях стояла она... Дмитрий шагнул к ней, потом остановился, смешавшись.

– Это ты? – пролепетала не менее удивленная Саша.

– Ты что, знаешь его?.. Этого сумасшедшего? – взвилась Вика.

– Я – да... – ответила Саша. Лицо у нее при этом было напряженное, внимательное.

– И он тебя тут разыскивает? – допытывалась Вика строго.

– Ты меня разыскиваешь? – Саша обратила к Дмитрию сияющее лицо.

В ответ он только кивнул.

Не менее других обескураженная всем происшедшим, Вика вышла из комнаты, демонстративно постукивая каблучками.

– Вот ты и нашел меня. – Саша улыбнулась. – А я все думала почему-то, что тебя убили тогда...

– Я уезжаю, – затараторил Дмитрий. – Мой поезд через... – Он бегло взглянул на часы.

– А как ты оказался в нашем городе?.. Что тебя привело сюда?

– Работа! Как раньше говорили, производственная необходимость...

– Вот что!.. – вздохнула Саша разочарованно. – А теперь ты закончил с делами и уезжаешь?

– Да, но я не хочу потерять тебя! Дай мне телефон.

– Телефон? Сейчас, конечно! – Саша присела у стола и принялась строчить цифры. – Вначале идет код города... Меня зовут Александра... А тебя? – спохватилась она.

Он назвал свое имя и вдруг опять засуетился, заспешил.

– Подожди. – Саша перебила его. – Послушай! На следующей неделе я буду в Москве. Сегодня у нас что? Четверг?.. Я приеду в Москву во вторник. Остановлюсь в гостинице «Заря».

– Это где?

– У платформы Окружная. Там еще недавно открыли метро. Какое-то странное название станции... Вспомнила – «Владыкино»! Спросишь Ивину. Это я. Александра Ивина. Я приеду утром, а ты приходи к двенадцати...

– Саш, кто это? – не успел Дмитрий выйти из комнаты, как сейчас же появилась Вика. – Кто это такой?

– Это, – загадочно отвечала Саша, – Дмитрий Загудаев... Мой старинный московский знакомый.

– Он что, из Москвы?!

Вика бурлила. Все, что имело отношение к Москве, вызывало у нее неподдельный восторг. В наше время мало-мальски уважающие себя люди стремятся перебраться в столицу. А за Сашкой – скажите пожалуйста – прискакал собственной персоной столичный принц. Черноглазый, дорого и со вкусом одетый... а уж смотрел он на нее как!.. Как будто сокровище какое из земли выкопал!

И чего хорошего находят мужики в этой Сашке? Маленькая, невзраченькая – ни рожи, как говорится, ни кожи. И – подумать! С Ельчаниновым у них сколько лет любовь. Он бы и развелся, пожалуй, только тестя своего, господина Бобро-

ва, побаивается... Так мало Ельчанинов! Уже целый год за ней ухлестывает коммунальный сосед. Моложе ее и не поймешь чем занимается, кажется, чем-то темным. Но денежный мальчишка, машина своя... А теперь еще и принц столичный!

– Он из Москвы, – говорила между тем Саша, – из той далекой, уже несуществующей Москвы...

– Как это понять – несуществующей? Москва теперь...

– Совсем другая, – закончила Саша. – А он был еще в той, со старыми названиями улиц, без реклам и иностранных автомобилей.

– Припоминаю теперь. – Вика немного успокоилась. – Ты что-то уже рассказывала о нем.

– Может быть. – Саша вздохнула. – Понимаешь, я все не знала, жив он или погиб, и когда увидела его...

– Выходит, он все это время искал тебя? – как бы невзначай уточнила Вика.

– Да как же он мог искать меня?! – Саша расхохоталась. – Не имея ни имени, ни фамилии, ни адреса! Он просто по делам приехал в наш Город.

– Какие у него тут дела?

– Господи, мы всего пять минут разговаривали! Я и спросить-то ничего не успела.

– Теперь спросишь – время будет... Когда поедешь к нему?

– На следующей неделе! Забыла? У меня же командиров-

ка в Москву!

– Ах да! Ну надо же, как все получается! Без сучка без задоринки... А Ельчанинова теперь что же, побоку?

– При чем здесь Ельчанинов?

– Как это – при чем?

– Ельчанинов – совсем другое дело. – Саша встала, собираясь попрощаться.

– И Ельчанинов, и этот... чудной – оба мужики! Ты двойную игру собралась вести?

– И вовсе нет! С Ельчаниновым у нас по-настоящему, а с этим – так...

– По-волшебному, – саркастически рассмеялась Вика. – Как бы тебе не запутаться, мать моя!

– Не беспокойся.

Саша старалась не замечать Викиного сарказма. И чего она злится?! Знала бы про Ельчанинова, про его вечные предосторожности... Эти предосторожности любое чувство способны раздавить. Чувства могут быть очень сильными, а предосторожности – еще сильнее. Предосторожности разъедают чувства, как кислота.

Правда, вспомнила Саша, никаких особых чувств к Ельчанинову у нее никогда и не было. На момент их знакомства она только устроилась в молодежный журнал и была томима другими чувствами: одиночеством, женской невостремленностью, скукой провинциального города. Ельчанинов предложил ей себя и всевозможные развлечения. Ельчани-

нов делал подарки... Вначале все это радовало Сашу, но постепенно она свыклась с новым укладом и уже плохо представляла себе, как жила до встречи с Павлом. Однако в последнее время эти отношения начали ее угнетать. Она почти боялась разрыва – вот если бы все случилось само собой, как по мановению волшебной палочки! И вдруг среди этой полной неясности, неразберихи появился Дмитрий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.